

A woman with long, wavy brown hair, wearing a purple and gold patterned dress with puffed sleeves, stands in a grand, ornate hall. Behind her, a black hooded figure stands in shadow. The hall features high ceilings, arched windows, and potted plants with purple flowers. The scene is lit with warm, golden light, creating a dramatic atmosphere.

ДАРЬЯ ЯМНОВА

Выбор
Достоинного

Дарья Ямнова

Выбор Достойного

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69570646

SelfPub; 2023

Аннотация

Когда предают самые близкие и ты попадаешь в круговорот интриг и загадок, можно ли верить хоть кому-то? И как выжить, если на каждом шагу поджидает опасность? Меня зовут Киания Омалин, мне всего лишь 17 лет и я против иди по пути древнего обычая. Тот кто предложит в назначенный день большую сумму – тот и станет моим мужем. Победитель был выбран заранее, но в планы семьи вмешалась сама судьба, отдав меня в руки загадочному магу, который скрывает свое лицо.

Содержание

Глава 1 Торги.	4
Глава 2 Пленница.	24
***	28
***	36
Глава 3 Доктор.	41
***	43
***	46
***	49
***	51
***	56
Глава 4 Невеста	62
***	64
***	72
Глава 5 Графиня	81
***	85
***	90
***	93
Глава 6 Хозяйка.	106
***	115
***	118
Глава 7 Гости.	120
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Дарья Ямнова

Выбор Достойного

Глава 1 Торги.

Дисклеймер: Я выкладываю черновики своих историй, по мере сил делается вычитка и вносятся правки. При чтении помните – редактора все стерпит! :)

В городскую ратушу сквозь витражи пробивался яркий солнечный свет. Лучи растекались по желтым стенам и рядам скамеек невнятными цветными пятнами, а огромные старинные часы с маятником показывали без двадцати минут двенадцать. В умиротворенной тишине заскрипели открувающиеся двери. Вошел мой будущий муж в сопровождении парочки «сватов» и близких родственников. Украдкой взглянула на него, опустила голову и выдохнула. То ли облегченно, то ли со смирением – видела я своего будущего супруга впервые: мужчине было около тридцати, не уродлив, самый обычный и типичный купец в бордовом плаще, с хитрым взглядом. Только цвет одеяния и выдавал в нем человека с деньгами. Не смогла удержать грустной улыбки: главный богач нашего феода и мой будущий муж начинал с прода-

жи горшков. А женившись на мне, после смерти отца, станет дворянином и хозяином нашей земли. И я грустно оглянулась на стоящих возле приказчика родственников. Мачеха и сводная сестра о чем-то тихо шептались. Папа, опершись руками на стол, неслышно переговаривался со служителем закона, который заполнял бумаги. Мой «выкуп», а скорее продажа с аукциона, был назначен на двенадцать часов. То, что официально называлось красивой и витиеватой фразой «Выбор достойного», по факту являлось узаконенной передачей денег за невесту высокопоставленную, но без приданого, то есть за меня. Проще говоря, кто предложит больше золота, тому и достанусь. Участвовать могут все желающие. Только в моем случае победитель был заранее обговорен и поэтому других не предполагалось.

– Добрый день, леди Омалин, – неожиданно близко раздался мужской голос, я вскинула голову – в паре шагов от меня, стоял мой будущий муж и располагаяще улыбался.

Его сопровождающие, чинно рассевшись на лавках, тихо переговаривались, ожидая начала выкупа. А я... А я растерялась, вновь опустила голову и начала лихорадочно думать. С этикетом у меня всегда были проблемы: после смерти матушки и вовсе никто не требовал выучить эти нелогичные и местами совершенно невыносимые правила. А сейчас... А сейчас я не знала, как же мне поприветствовать будущего мужа. По тем немногим правилам, что волей-неволей приходилось исполнять, купца полагалось назвать гос-

подином Маэстери и удостоить кивком, но он ведь уже жених. А мужа должно приветствовать легким реверансом. Нахмурилась, закусила губу и вновь тяжело выдохнула, пытаюсь вспомнить форму приветствия.

– Киания, разреши представить тебе господина Кахана Маэстери, – отец подбадривающе взял меня за локоть.

И от этого участливого движения на глаза навернулись слезы. По-прежнему разглядывая пол, сдержала эти совершенно ненужные чувства:

– Доброго дня Вам, господин Маэстери. Очень рада знакомству, – и почему-то протянула ладонь для рукопожатия.

Испуганно посмотрела на купца, мужчина продолжал радушно улыбаться, демонстрируя ровные крупные зубы, но взгляд из хитрого, заигрывающего, стал злым... полным ярости. Однако господин Маэстери галантно наклонился, взял мою ладошку и поднес к губам в знак поцелуя.

На отца в этот момент было страшно посмотреть – только что я самым ужасным способом показала своему будущему мужу, что он для меня посторонний. То есть еще даже не заслуживающий доверия. А пожимать руку мужчине у женщин в высшем свете вообще не принято. Окаменев, напряглась всем телом, и снова уткнулась взглядом в пол.

– Доброго дня, лорд Омалин. Я хочу стать достойным супругом для вашей дочери. Скоро ли начнется процедура? – самым светским тоном спросил господин Маэстери, обращаясь к моему отцу и протягивая ему руку.

И не скажешь по такому тону, что это самый обыкновенный купец.

— И вам доброго дня. Ровно в двенадцать дня, приказчик не начнет раньше. Правила есть правила, — посетовал папа и ответил на рукопожатие.

Маэстри кивнул, соглашаясь с условиями, передал какие—то бумаги и, извинившись, удалился к своей свите, сославшись на важные переговоры. Отец, ничего мне так и не сказав, отошел к столу распорядителя и передал листы, где всё так же шептались мачеха и сестра. Мельком посмотрев ему вслед, продолжила изучать пол, чувствуя себя потерянной и ненужной.

Стоять мне во время аукциона следовало в центре зала, совсем одной. Полагалось молчать и не двигаться. Эти правила поведения нудно объяснял приказчик, когда мы пришли в Ратушу и указал на конкретное место. Тут теперь я и замерла, не желая больше слушать этого принципиального, недовольно бубнящего дядьку, который собирался ждать еще пятнадцать минут, чтобы начать торги. Будто их результат которых может измениться. Все уже решено.

Звук вновь проехавших по каменному полу массивных деревянных дверей меня поразил до глубины души. Мы же больше никого не ждали! Даже не пытаюсь скрыть эмоций, я во все глаза разглядывала пузатого, лысого мужика, обвешанного золотом. Свита с ним была значительней, чем с моим купцом: явно среди этих людей были охранники и личные

служащие. Один из них отделился от толпы и объявил: «Барон Сальди хочет стать достойным!». Это была стандартная фраза для изъявления воли на участие в аукционе. Я растерянно оглянулась на отца, совершенно не понимая, что происходит. Барон и его сопровождающие, тем временем, расселись по местам, а все тот же слуга, направился к приказчику с явной целью заполнить необходимые бумаги. Папа также растерянно смотрел на прибывшего мужчину. Но тут за дело взялась мачеха, галантно уцепившись за последнего лорда Омалин, она воодушевленно начала что-то нашептывать ему на ухо.

Догадаться было не сложно. Какая разница, кто заполнит дырку в бюджете нашего феода, если можно получить ещё сверх той суммы, о которой договорились с купцом? Вновь нахлынувшие слезы до конца удержать не удалось, и я смахнула горькую каплю рукой. Со стороны это выглядело, будто поправляю волосы. Лишь для внимательного наблюдателя мое состояние было бы очевидно. Есть ли здесь такие, кому не всё равно на чувства несогласной невесты?

Потому что пока предпринимались отчаянные попытки сдержать рвущиеся слезы, двери распахнулись снова. И вот тогда мне стало по-настоящему страшно... Я вновь окаменела, но теперь от ужаса. Потому что вошедший высокий, худощавый граф с четко остриженной бородкой и сединой в висках был мне известен. Он всем был известен. Семь бесприданниц погибли случайной смертью только за последние

четыре года. Хонэ являлся единственным лордом, которого не приглашали на выкупы и держали это событие в строжайшем секрете от него, несмотря на огромное богатство графа. С мерзавцем, хотя, скорее, с его деньгами, считался даже король, закрывая глаза на гибель девушек. Я зажмурилась, нервно сглотнув. Все мои семнадцать с половиной лет жизни пронеслись, будто воочию.

– Я, граф Альтир Хонэ, хочу стать достойным! Надо же, в который раз произношу эту фразу, и каждый раз, как в первый, – саркастично, резко и совсем не по-светски прозвучал голос этого претендента, несущего с собой смерть.

– Нет! Граф Хонэ, Ваше участие невозможно! – воскликнул лорд Омалин.

«Как грубо, папа, но уже поздно, слишком поздно», – с тянущей в сердце тоской подумалось мне. Откуда-то нашлись силы взглянуть на незваного гостя. Тот же с полным чувством превосходства, осмотрел меня так, как будто умел видеть сквозь одежду. Стало очень мерзко, и я вновь закрыла глаза, просто попытавшись хоть как-то исчезнуть из ратуши, отрешиться от происходящего. Странно, но это сработало: мне действительно стало легче. Казалось, что я переносусь из треклятого здания куда-то, где никого больше нет.

– Граф Омалин, в этом зале, как минимум, двое претендентов на звание достойного. И если они здесь, значит, заполнили форму для участия. Это было бы невозможно, не заполни вы все необходимые бумаги. А уж распорядителя

тут бы и подавно без процедуры визирования не было. Так что... вы уже не в праве отменять такую потрясающую церемонию, как «Выбор достойного», – деловито, с мерзкими нотками самодовольства, заявил граф Хонэ и уставился на представителя закона.

Приказчик учтиво и важно кивнул. Граф Омалин яростно высказался, что отменяет выкуп, что не будет никакого сватовства, стукнул руками по столу служащего, вздрогнувшего от неожиданности.

Альтир Хонэ отреагировал холодно: с самым надменным видом прошел вглубь ратуши, сопровождаемый своими людьми, и демонстративно занял скамью. Кто-то из слуг понес визировать необходимые бумаги. Все угрозы отца приказчик пропустил мимо ушей, жестко пояснив, что он подчиняется только королю и законам. Тут же в здание вошли семь человек из королевской стражи, пришедшие на крики разгоревшейся ссоры. Лорд Омалин был в яростном бессилии: он сжимал и разжимал кулаки, желваки на лице ходуном ходили, мне кажется, даже скрипели зубы. А я за этим всем наблюдала, словно со стороны. Накатившая апатия была так сильна, что даже слезы перестали душить. Стояла и очень горько улыбалась, осознавая, что никто и никогда не перебьет ставку этого богатого убийцы. Поэтому мне было совершенно все равно, что за люди продолжали заходить на выкуп, где никого, кроме купца, не ждали. Вновь и вновь повторяемое “я хочу быть достойным” разлеталось хриплым

звоном по ратуше, застревая в цветных витражах.

Никто не поднимет ставку выше графа. Никто... Удуш-ливые слезы нахлынули вновь. Отец отвернулся и смотрел в окно. На нем повисла мачеха и опять что—то нашептывала, пытаясь успокоить разбушевавшегося супруга. В ратуше с каждым мгновением становилось все более шумно, а стрелка часов медленно ползла к полудню, показывая без пяти ми-нут двенадцать.

На очередное шорканье, открывающейся двери, я бы и не обратила внимания, давно погруженная в свои безрадостные мысли. Однако в помещении воцарилась мертвая тишина, будто все люди разом исчезли. Взгляд, поднятый на вошед-шего, дал понимание – это самый худший день в моей жизни. Самый, самый худший и жуткий. Что даже судьба, уготован-ная мне графом Хонэ – приемлема. Смерть – приемлема.

В дверях высилась сумрачная фигура, закутанная во все черное: позади развевался дорожный плащ, руки скрыты перчатками, на ногах добротные кожаные сапоги. Даже лицо было затянато темным облаком, виднеющимся из—под на-кинутого капюшона. Вошедший одним только видом омра-чил солнечное здание ратуши, будто поглощая свет и жизнь. За его спиной стоял седой старик, с лучистыми морщинка-ми вокруг глаз, которых было столь много, что виделись они даже с такого большого расстояния. И этот мужчина сказал: «Лорд феода Картел, соседствующего и дружественного ко-ролевства Мондар, желает стать достойным». Да, ни граф и

ни барон. В Мондаре, на удивление, очень простая иерархия: господин, мастер и лорд. Только этот, в черном, был еще и самой таинственной личностью во всем содружестве королевств. Лорд-тень, черный лорд, лорд-демон, безликий – так его называли в народе. Даже поговаривали о его связи с темными силами. Единственное, что было доподлинно известно: он маг, очень жестокий маг. Людей, способных сжечь вас без дров, одной силой мысли, – боялись и уничтожали. Долгий период кровопролитных войн практически уничтожил всех, у кого был дар. Они всегда дорого продавали свою жизнь, оказываясь в неравном бою: один против десяти воинов, закованных в синюю сталь. Этот металл обезвреживал и магию, и ее владельца. Только попробуйте сначала до него дойти и надеть кандалы, пока в вас, к примеру, запускают столетний дуб.

В какой—то момент маги практически перестали рождаться, многие из них скрывались, опасаясь преследования. О некоторых знали, но боялись даже хоть чуточку расстроить. Ярким примером из таких и был лорд Картел. Который, к слову, прибыл всего лишь с одним своим слугой и сейчас расположился на самой дальней скамье, практически у входа. Щелчок пальцев и на стол приказчика упали бумаги для регистрации. Бой часов оповестил, что уже полдень.

– Итак, древний и священный обычай наших предков, говорящий, что за благородную невесту должно внести лучший выкуп, как знак готовности одаривать юную жену, со-

гласно ее статусу и красоте, «Выбор достойного» можно считать начавшимся прямо сейчас. Правила предписывают... – монотонно и заунывно начал бормотать слуга закона, заведя пространную речь минут на двадцать.

Я не хотела выходить замуж. Когда неделю назад отец сообщил о принятии такого решения – был скандал. Отказывалась, спорила, просила, грозилась и умоляла меня не продавать. И несмотря на это, все равно теперь приходится стоять посреди зала, будто дорогая лошадь и ждать ставок. Я столько злилась, столько плакала за эту неделю, что когда пришел граф Хонэ – стало вдруг все равно, какое будущее мне уготовано. Сейчас же лишь одно казалось странным: зачем здесь появился нелюдимый лорд. Может, жертва для опасного ритуала понадобилась? Его присутствие было совершенно не к месту и нелогично. Ни одной правдоподобной идеи не приходило мне на ум. Это наводило панику и вызывало новый виток отчаянья.

– Ставки начинаются с пороговой отметки в двадцать тысяч золотых, – заунывно, как певун над могилой, известил приказчик.

И дальше понеслись выкрики с разных мест, присущие ожесточенным торгам. Все напоминало базар и дурацкий сон одновременно. Происходящее казалось ненастоящим, иллюзорным, будто это происходит не со мной. Зачем они торгуются? Зачем? Ведь выиграет граф... А он азартно и даже алчно повышал ставки. Ему этот аукцион явно доставлял

удовольствие. Маг же и вовсе в них не участвовал. Почему же сидит и тратит свое злодейское время? Двадцать тысяч... Обычно выкуп начинался с пятидесяти.

Почему же я так упрямо сдерживаю слезы? Кому до них вообще есть дело? Внутренняя злость не позволяла выкатиться ни единой соленой капельке. Стоит только проявить слабость, как меня прямо здесь накроет истерика. Тем временем ставка дошла до четырехсот тысяч. Какая дорогая оказалась кобылка... Обычно выкуп вполтину меньше озвученной суммы.

– Полмиллиона золотых, – торжественно, с чувством собственного превосходства, заявил граф Хонэ. Поднялся и приблизился ко мне, явно уверенный в своей победе. Мало кто мог, а главное хотел, тратить столько денег, чтобы купить жену. Купец сидел мрачнее тучи, смотрел в пол и хмурил брови. Круглый барон сложил руки на груди и состроил гримасу полную недовольства, остальные тоже не выражали желания поднять ставку.

– Пепельно-русый, – граф Хонэ провел тыльной стороной ладони по моим волосам, – таких у меня еще не было.

Затрясло. Откуда-то изнутри вырвался всхлип, и полились треклятые слезы. Мир возвращался звуками, красками и отчаянием, в котором я начала захлебываться.

– Миллион.

Все пораженно повернулись к слуге лорда Картел, а он смотрел на своего хозяина с полнейшим удивлением на ли-

це. Выглядел так, будто сам не понимал, зачем назвал эту огромную сумму. Хонэ мгновенно взбесился. И казалось в облике графа ничего не поменялось. Только губы стали поджаты, глаза злобно сузились, движения стали дергаными и резкими, выдавая гнев самоуверенного богача:

– Я требую подтверждения платежеспособности!

Не знаю, что произошло и как такое удалось магу. Он будто и вовсе ничего не делал и вообще отсутствовал в ратуше: но перед столом приказчика появился сундук, крышка распахнулась сама, а лучи солнца потерялись среди золотых монеток, наваленных до самого верха. Потом по всему залу возникло еще двадцать таких же ящичков, все сразу же открывались и были наполнены деньгами. В просторном здании вдруг стало сильно тесно.

– Лорд Картел, также требует подтверждения платежеспособности, если граф намерен поднимать ставки, – уже более уверенно заявил слуга мага.

– Да как вы смеете! Да кто вы такой, что позволяете себе подобные требования?! Говорите со мной прямо, а не через своего служку! – Хонэ не кричал, но в голосе проскальзывали истеричные нотки.

Он уже полностью отвернулся от меня и даже отошел, теперь находясь ближе к лорду Картел, и, вероятно, пытался прожечь его взглядом. Зря. Он же не маг. А вот темный лорд вполне мог ответить на претензии настоящим огнем и заодно спалить всех присутствующих.

– Господин приказчик, насколько правомерно требование моего хозяина?, – маг по-прежнему хранил молчание, и все переговоры вел его слуга.

– Да, с такими суммами... Да, это правомерно, – служитель закона по всей видимости был в глубоком шоке от количества сундуков и впервые обошелся без нудного ответа.

Отец, по-прежнему стоял, отвернувшись в окно. Мачеха пребывала в крайнем удивлении от происходящего, а у сестрицы, к слову, сводной, в глазах был алчный блеск. Столько денег в казне нашего феода не было никогда.

– Граф Хонэ, вы сможете подтвердить, что способны внести ставку выше? – слегка справился с удивлением приказчик.

– Я могу написать бумагу! – прошипели в ответ.

– Граф, вы же понимаете... Это древний обычай, согласно правилам..

– Я доложу королю! – перебил Хонэ и стремительно покинул помещение.

– Ваше право. Я следую закону, – понеслось в след графу, – Итак, есть ли здесь те, кто поднимут ставки «Выбора достойного»? – с толикой торжественности продолжил приказчик, – Раз...? Два...? Три! Достойным объявляется лорд Картел соседствующего и дружественного королевства Мондар, согласно всем законам содружества. Теперь вам необходимо подписать отказ от земли, в пользу других наследников лорда Омалин, так как переход феода другой стране невоз-

можен. После смерти графа имущество достанется его жене либо приемной дочери.

В зале зашептались, никто не торопился покидать ратушу, все жаждали зрелища. Еще бы, целый чужеземный лорд заплатил кучу золота и даже не получит феода. Я ждала гнева, отказа от победы, всхлипывала и утирала слезы, которые продолжали литься. Маг отменит ставку и меня ждет брак с графом Хонэ. Ведь объединение наших соседствующих земель, действительно, та единственная польза от подобного брака. Нет выгоды – зачем свадьба? Лорд Картел, продолжая хранить молчание вышел прочь, его слуга наоборот – шел к столу приказчика, огибая сундуки. В тот же момент в ратушу начали заходить мужчины в черной форме и повязках, закрывающих их лицо. Один из них направился ко мне, ухватил за локоть и потащил к выходу, ничего не объясняя. Попыталась выдернуть руку, уперлась ногами, всем своим видом, показывая, что не намерена никуда идти:

– Что это значит? Кто вы? Я не пойду! Отпустите!

– Леди Омалин, это ваша охрана до феода лорда Картел, который теперь согласно этим документам является вашим будущим мужем, – отстранившись от стола произнес старик—слуга и потряс стопкой листов.

– Но...

И меня просто вытащили из ратуши, как котенка, не обращая никакого внимания на оказанное сопротивление. Силой усадили в карету, внутрь кабины втолкнули грубо и за-

крыли дверь. Отчаянные попытки оную открыть и даже разбить стекло не увенчались успехом. Только руку ушибла и теперь болезненно морщилась. Карета тем временем тронулась, унося меня прочь. Я видела, как из ратуши выбежал отец, как схватился за голову и упал на колени, как следом семенит мачеха в попытке его успокоить. С грустью думала о том, что мне нечем укутаться, даже плаща взять с собой не дали! О позволении собрать хоть какие-то вещи и речи не шло. Из груди вырвался всхлип, а столь тщательно удерживаемая истерика грянула потоком бесконечных слез, окончательно лишая меня всяческих сил. Глубокий, но тревожный сон наступил незаметно.

А вот пробуждение выдалось ужасным и весьма запоминающимся: все тело скрутило болью, будто изнутри потряхнуло и вывернуло. Короткий миг пробуждения сменился провалом в бессознательное состояние.

Приходить в себя было тяжело: во рту пересохло, без плаща я совершенно замерзла, сентябрь теплом все-таки не баловал. Меня ужасно мутило. Сколько прошло времени было совершенно непонятно. Кое—как, приняв вертикальное положение, поняло только одно – срочно нужно выйти на свежий воздух. Карета яростно вздрагивала на ухабах, все сильнее усугубляя мое положение. Барабанить в стекло я начала в приступе отчаяния. Никакой реакции. Вообще. Сложилось впечатление, что снаружи и вовсе никого нет. Они совсем с ума сошли? Нам неделю ехать! А по нужде? А поесть? А хо-

тя бы воды? Что вообще происходит?!

Мои жалобные крики и призывы на помощь не возымели никакого успеха. Голос начал хрипеть и срываться, головная боль лишь усилилась. Все методы привлечь внимание сопровождающих оказались бесполезными.

В этот момент я окончательно уверилась, что понадобилась магу для жертвоприношения. Моя целостность и здоровье больше никого не заботит. Наверное, из бранных остатков сварят какое—нибудь редкое зелье, потому как за неделю пути смерть от жажды и голода неизбежна. Неужели девственницы в ближайших поселениях перевелись, и магу пришлось отправиться аж в другое государство?

На меня снова накатила истерика, я плакала, царапала и била обивку экипажа, пока не ободрала руку в кровь. Саднящая боль немного привела в чувство и позволила рассмотреть пейзаж за окном более осознанно. Это было странно, но местность была совершенно незнакомой. В двух днях пути от нашего графства я бывала много раз, но не видела ничего подобного. В родном феоде кругом был прекрасный сосновый лес, а здесь только поля вокруг. Впереди показалась какая-то тень, но мне из единственного окна разглядеть ее не удавалось. Сколько же я провалялась без сознания? Неужели больше двух дней? Да быть такого не может!

Меня не отпускали мысли о дальнейшей судьбе. Зачем магу понадобилась невеста? Умирать не хотелось, но разве могут быть другие нужды у черного лорда? В этом неожидан-

но нашлось и своеобразное утешение, ведь, наверное, быть убитой для ритуала, гораздо лучше, чем стать игрушкой в руках Хонэ, который лишь растянёт мои страдания. В желудке заурчало, напоминая, что долго и мучительно предстоит умирать от голода и жажды.

Однако карета неожиданно остановилась. Я прилипла к окну и увидела кусок огромной крепостной стены. Поначалу решила, что это долгожданный привал. Только вот показавшиеся наверху сооружения охранники были одеты точь-в-точь как те люди, что затолкали меня в карету. Неужели я уже на территории феода Картел? Невозможно... две недели...

Мысли окончательно спутались и разбежались от непонимания происходящего. Мы тем временем, проехали по огромному подъемному мосту, который опустили специально для нас. Затем двинулись через огромный каменный город. По нему сновали весьма себе довольные люди, всадники, кареты. Отсутствие деревянных построек наталкивало на мысль, что это похоже настоящая столица.

Пока я наблюдала картину за окно, стало понятно, что везут меня к горе. Она одновременно была замком и стояла от этого каменного города в отдалении и как бы возвышалась над ним. Мысли о времени и пространстве оттринула подальше и с неимоверным любопытством смотрела по сторонам. Никогда ничего подобного не видела, да и в крупных городах мне бывать не доводилось. Очень мечтала, что грядущим

летом поеду в Парсенту, столицу Аспергата, на бал и буду представлена как графиня Омалин, но... судьба распорядилась иначе.

Тем временем, карета приблизилась еще к одной стене, на ней повсюду стояли люди все в той же форме. Они открыли очередные ворота и нас сразу окружил редкий лес. Ну, или очень запущенный парк, где дорога оказалась разбитой и с ухабами. Двигалась карета все так же по направлению к горе, в очертаниях которой все больше вырисовывался огромный замок. И минут через двадцать тряски появилась еще одна стена с аркой. Никаких ворот, никакой стражи. Не сбавляя скорости, мы пролетели под каменным сводом и въехали видимо на подъездную дорогу. Она оказалась еще в более плачевном состоянии: я подскакивала на каждой кочке и еле держалась на сиденье, боясь свалиться прямо на пол. Подобное отношение к гостеприимству окончательно убедило меня в том, что это владения нелюдимого лорда Картел.

На огромном крыльце с колоннами стоял тот самый седой мужчина, сопровождавший мага на "выборе достойного". Карета остановилась, непонятно откуда взявшийся человек все в той же черной форме открыл передо мной дверь и подал руку. Не знаю, чего они от меня ждали, но я не торопилась выходить и смотрела на них, как на сумасшедших.

– Леди Омалин, добро пожаловать в замок лорда Картел, прошу вас, – старый слуга сделал приглашающий жест рукой в сторону огромных дверей и ободряюще улыбнулся. Навер-

ное именно доброжелательный учтивый тон напомнил мне о происхождении и графском титуле. Не скрывая полного скепсиса на своем лице, поднялась с сиденья и попыталась выйти из кареты. Что произошло, и сама не успела понять, но ноги отказались слушаться, а все тело вновь прошло болью. Несколько секунд я отрешенно наблюдала за приближением брусчатки ко мне или меня к брусчатке. Успела обозлиться на тот факт, что раньше по два раза за день сознание не теряла и смиренно уплыла в небытие, отметив, что кто-то успел подхватить дорогую покупку на руки.

Закутанный в свой наряд охранник смог поймать девушку, не позволив ей упасть прямо на камни. Старик же стал полон негодования.

– Какого черта произошло, Ошант-Ак? – доброжелательное выражение лица седовласого слуги мигом слетело, и сейчас на него было страшно смотреть.

– Обморок, верный служитель хозяина господин Пемброк, – замогильным потусторонним голосом, практически провыл мужчина, держащий лишившуюся сознания леди на руках.

– Правда? А я то и не заметил! Причина обморока какая, Ошант-Ак? Хозяин шкуру спустит! – горячо возмутился старик, показывая жестами, как именно с ними поступят.

– Вероятно, межпространственный переход по изнанке, верный служитель хозяина господин Пемброк, – на той же ноте провыл Ошант-Ак, – что прикажете делать?

Глаза у старого слуги сузились от гнева. «Догадались девушку изнанкой тащить, как жива осталась? Охламоны!». Выдохнув, Пемброк дал распоряжение отнести леди в замок.

Глава 2 Пленница.

Очнулась я совершенно замёрзшая, на застеленной кровати с зеленым балдахинном. Все тело ужасно ныло, в голове шумело. Изумрудные шторы на окне были плотно завешены, отчего комната производила мрачноватое и гнетущее впечатление. Немного полежав, я решила найти уборную, а после выяснить.... Ну, например, какое зелье из меня будут варить. А, если серьезно, хотелось понять, зачем же магу потребовалась бесприданница. Эта мысль билась в голове пойманной птичкой. Нужная мне дверь соседствовала с дверью в гардеробную. Абсолютно пустую, кстати, что в очередной раз натолкнуло на мысль, что меня тут совсем не ждали....

После нехитрых умывательных процедур, я попыталась выйти из комнаты. Но дверь оказалась заперта. Поднявшееся было настроение стремительно падало с высокой башни с именем «надежда».

– И все-таки пленница, – с грустью, вслух, сказала сама себе. С какой-то претензией посмотрев на дверь, я отправилась к комоду, на котором стоял подсвечник, и отчаянно начала колошматить им закрытую дверь. Ну и кричать, разумеется, «помогите!». Орала я истошно, с воодушевлением, совершенно не придерживаясь линии поведения леди. И уже через пятнадцать минут под дверью кто-то начал тихо перешептываться.

– Откройте дверь! – строгим голосом сообщила я, собственно, двери и портить оную подсвечником, временно перестала. За дверью на какое-то время воцарилась тишина, а затем послышался скрежет ключа в замке. В приоткрытую щель, грациозно заглянула пожилая жилистая женщина с острым носом и строгим взглядом, неуловимо напомнив мне злополучную преподавательницу этикета из далекого прошлого. Окинув меня внимательным взглядом с головы до ног, женщина осведомилась:

– Что происходит?

– Я графиня Киания Омалин и хотела бы видеть лорда Картел, – плечи расправила, нос задрала, лицу придала самое надменное выражение. У собеседницы глаза округлились и стали полны страха и ужаса, но, видимо, леди умела держать эмоции, как настоящая придворная дама, а потому совершенно невозмутимо и элегантно мне сообщили:

– К сожалению, это невозможно, – и собралась закрывать дверь, но я вовремя успела подставить ногу в проем и начала тянуть дверь на себя.

– То есть как “невозможно”? Вы издеваетесь? Меня привезли, черт знает куда, черт знает зачем! У меня ни одежды, ни ванных принадлежностей! Да в конце концов, я банально кушать хочу, а вы говорите “невозможно”?!

– Никаких распоряжений на ваш счет, кроме размещения в эту спальню не поступало, ни от лорда Картел, ни от господина Пемброка. В связи с этим, по интересующему вас во-

просу ничем помочь не могу! – пропыхтела женщина, которая все это время тянула дверь на себя. От такого заявления я даже ручку отпустила и отпрянула, чем моя противница и воспользовалась.

– А, если распоряжений не поступит, мне что тут, умирать от голода? – спросила я уже у двери, но меня услышали и повергли в шок еще раз.

– Видимо, значит, придется умереть от голода, – в коридоре послышалось шорканье удаляющихся шагов. Надо было успокоиться и подумать о сложившейся ситуации. Пометавшись по комнате, раздвинула шторы и обнаружила, что окно давненько не мыли, и рассмотреть что-то не представлялось возможным. Я уселась на кровать, подогнула под себя ногу и загрустила. Итак, меня выкупили за фантастическую сумму, привезли в замок, заперли в покоях, и будут ждать, пока я умру от голода. Бред какой-то. Зачем спальню тогда выделили? Что у них тут добротной темницы в таком—то замке не имеется?

– Даже пленникам корочка хлеба полагается, – погладила свой живот, который уже начало сводить от голода. Ну от жажды не умру, в ванной никаких умывальников и кувшинов – настоящий водопровод, как из сплетен про королевский дворец и усадьбы столичных богачей. Посмотрела по сторонам в поисках чего—нибудь еще, чтобы могло меня как—нибудь подбодрить. Ничего не нашлось. “Никаких распоряжений не поступало” – передразнила я вредную тетку. Ну,

от лорда Картел понятно... непонятно, почему не поступало. А кто такой, как она его назвала? Господин Помрок? Пемпрок? Я вновь вооружилась подсвечником и пошла портить дверь. К слову, она была деревянная, обитая местами металлическими пластинками, от каждого удара моим оружием – стоял знатный грохот, который я изо всех сил сдабривала во-ем «помогите!». В этот раз ко мне шли уже целых полчаса, а то и все минут сорок. За которые успелось и устать, и охрипнуть. Видимо, первый печальный опыт общения послужил уроком. Теперь со мной решили разговаривать прямо через дверь.

– Ну что вам не сидится спокойно? – дерево слегка приглушило недовольный голос

– Я желаю увидеть, господине Пе..? По..? Брока?

– Господина Пемброка? – уточнили с той стороны.

– Да!

– Передам ему ваше желание, – и звук удаляющихся шагов. Я вернулась к кровати. Теперь остается только ждать этого Пемброка и надеяться, что может он организует встречу с лордом Картел. Через мутное окно солнце склонилось к закату. А я предалась воспоминаниям из детства.

Госпожа Митвелл удалялась по коридору и устало потирала лоб. Кажется, она заработала себе мигрень. Ну и девица, зачем только ее лорд к ним притащил. Когда Мари прибежала первый раз и сказала, что нежданная гостья дверь разносит, Митвелл решила, что это какая—то магичка и настал день грандиозной катастрофы. Но магички разносят двери магией, а эта пользовалась подсвечником. «Еще и представилась как! Графиня! Зачем лорду понадобилась? Да и распоряжений Пемброк никаких не дал, и вот итог. Девчонка сообразила позвать его, придется доложить. Пускай теперь и разбирается с этой, портящей хозяйское имущество, между прочим». Женщина завернула к нужной двери и постучала.

– Войдите, – послышалось в ответ, и госпожа Митвелл ступила в небольшой, но светлый кабинет.

– Господин Пемброк... ммм.. наша, с позволения так сказать, «гостья» требует вас, – с иронией в голосе докладывает женщина.

– И чего она от меня хочет? – тяжело вздыхает старик.

– Список длинный: еду, платья, банные принадлежности, увидеть лорда Картел, – все также ядовито произносит госпожа Митвелл.

– Исключено! Исключено! – горячится Пемброк на последних словах и уносится прочь из кабинета. Женщина по-

стояв некоторое время, огляделась по сторонам, улыбнулась каким—то своим мыслям и вернулась к своим делам главной экономки замка лорда Картел.

Через мутное стекло расплывались очертания солнца уходящего за горизонт. Я вспоминала зимний день, когда отправилась гулять после очередной размолвки с мачехой. Начинаясь пурга, мне было тогда лет тринадцать... Заблудилась. Помню как яростно горели глаза у волка, как стремительно они меня нагоняли, как полетела в сугроб... Тут в дверь постучали.

– Леди Омалин, могу ли я зайти? – ой, так это голос того самого слуги, что был с магом. Я мигом поднялась с постели, поправила юбку и вежливо пригласила войти. Замок повернулся и на пороге действительно оказался тот же старик.

– Леди Омалин, госпожа Митвелл сообщила мне, что вы желаете видеть лорда Картел. Это – невозможно, – и такая сталь в голосе, и, кажется, даже ярость.

– Господин Пемброк, правильно я понимаю? – слуга скуповкивнул, – так вот господин Пемброк, увидеть лорда Картел мне жизненно необходимо и...

– Исключено! – холодно перебил старик.

– А что мне прикажете делать?! Тут с голода умирать? – не удержала внутреннего спокойствия и выверилась на него, – ни еды, ни одежды! Зачем я тут вообще понадобилась?!

– Мне бы это тоже хотелось знать, – глаза Пемброка зло сузились, – вы пытались его убить?

От такого вопроса я даже на кровать села. Не ожидала от старика ни гнева, ни таких глупых обвинений, ведь он показался таким доброжелательным.

– Я? Убить мага? Вы издеваетесь? – и смотрю на седого слугу во все глаза, силясь понять, шутит он или нет. А старик все так же строго и холодно сообщает, что спрашивает предельно серьезно.

– Нет, я не пыталась убить мага, вообще никакого и никогда, вашего в частности, – даже руки на груди скрестила от возмущения. Он, что совсем рехнулся? Все они здесь какие—то – “не в себе”.

– Вы разбили ему сердце? – Пемброк задал еще один вопрос повергший меня в очередной ступор. Я смотрела на старика во все глаза и понимала, что он совсем не шутит сейчас.

– В глаза никогда ни вашего мага, ни его сердца не видела.

– Как и все прочие, – усмехнулся и как—то сразу подобрел Пемброк. – я дам указания насчет того, чтобы вам подали ужин, принесли одежду и ванные принадлежности, комнату покидать запрещаю.

И старик направился на выход.

– А можно распорядиться на трехразовое питание семь дней в неделю триста шестьдесят пять дней в год? – сказала я ему вдогонку.

Мужчина с нескрываемым удивлением на меня посмот-

рел, как на сумасшедшую прям. Так обидно стало, что пришлось добавить:

— А у вас тут все по распоряжению! Без распоряжения завтрак не принесут, скажут, что вы только насчет ужина распорядились!

Пемброк улыбнулся каким-то своим мыслям, кивнул и вышел из комнаты.

Сидеть и совершенно ничего не делать было утомительно. Я поняла, что нужно придумать себе еще хоть какое—то развлечение на время моего заточения. За окном начало темнеть, а в комнате постепенно зажигались светильники. Сами по себе, что наводило на мысли об их магическом происхождении. Дома мы зажигали свечи или масляные лампы.

Меряя шагами комнату, мучительно пыталась придумать себе хоть какое-то занятие. Одновременно не прекращала удивляться, как моя сводная сестричка не рехнулась от своей игры в жизнь придворной дамы. Ведь все время в родовом замке она занималась исключительно изучением последней моды и собственной внешностью. Покои покидала крайне редко. А тут полдня взаперти и мне уже хоть на стену лезь от скуки. Остановившись, начала вспоминать, как вставала с утра разбирать прошения от крестьян, доклады нашего управляющего, как занималась растениями в саду. Финансы наши оставляли желать лучшего, и больше, чем старого садовника позволить мы тогда себе не могли. Вспомнилось, как сама копалась в саду, сажала и поливала цветы в редкие

минуты свободного времени. Его и не было совсем, все занимали дела феода. Теперь у нас там наверняка целый штат садовников... В дверь постучали, я дала разрешение войти, не удержавшись от улыбки над абсурдностью ситуации.

Девушка, сделав неумелый книксен, стала завозить сервировочный стол. Я, молча, наблюдала за прислугой, а служанка с опаской наблюдала за мной. Следующие несколько мгновений девушка растерянно осматривала комнату – ни стола, ни стульев в ней не было, только кровать и комод. После чего она очень жалобно уставилась на меня.

– Как я могу к вам обращаться? – глубоко вздохнув, спросила я.

– Моё имя Мари, леди, а обращаться можете, как вам того угодно, – ответила девушка и еще сильнее затряслась.

– Мари, мне запретили покидать это помещение, но, учитывая, что еду и одежду принести разрешили, то можно принести и какой-то стол, – благожелательно сообщила служанке, как мне казалось вполне очевидную вещь. Выглядела Мари, очень милой, и возможно подружиться с ней будет полезно. Во время этих размышлений просиявшая девушка выскользнула за дверь, и вскоре двое мужчин, облаченные в форменные ливреи, принесли маленький круглый стол, за ними еще один слуга тащил стул. Миновав меня, они установили всю эту мебель возле окна и удалились. Ни тебе здравствуйте, ни до свидания. Нет, конечно, я по-прежнему чувствовала себя пленницей, к тому же весьма голодной, и от-

сутствие расшаркивания передо мной, как перед графиней не особо оскорбляли, но... но повергли в немалое удивление. Безусловно, королевство Мондар было известно своим непринужденным этикетом, но чтобы местная прислуга со всем игнорировала титул?

В комнату опять зашла Мари и стала спешно накрывать на стол. Молча. По ее дерганым движениям и суете, сложилось впечатление, что девушка волнуется еще больше. Когда к ужину было накрыто, служанка резким жестом пригласила приступить в трапезе. Я не заставила себя ждать, есть хотелось сильно и давно. Мари же не спешила покидать покои и все также переминалась возле стола. На мой вопросительный взгляд, она неуверенно начала пытаться мне что—то сказать:

– Леди... Нам дали распоряжение снабдить вас необходимым... – девушка опять засмушалась и замолкла.

– Мари, я не знаю, чем вызван ваш страх, но вы можете рассказать о своем беспокойстве без всякой опаски. Обещаю, что к проблеме подойду с пониманием, – вилку пришлось отложить в сторону, есть сейчас в присутствии кого-то не хотелось вовсе.

– Одежда! Понимаете, одежды нет! То есть она есть! Но не такая! – выпалила вдохновленная моим дружелюбием девушка.

– А можно поподробнее? Честно признаться, не совсем уловила, в чем заключается ваше затруднение.

– Леди! Одежды для графини у нас нет! Только наша! – и

она руками показала на свое форменное платье.

Затем, снова испугавшись, решила, видимо, поправить ситуацию:

– Не подумайте! Мы вам новое дадим! Они у нас всегда, почти всех размеров в наличии имеются, на замену изношенным!

Мари была явно очень простым и открытым человеком. Как чувствует, так и говорит: в глазах то страх, то мольба. Да и ни в чем девушка передо мной виновата не была.

– Меня устроят любые вещи, – ответила, вложив как можно больше теплых ноток в голос, улыбнулась, – но, поскольку это все-таки не очень подходящая для меня одежда, я хотела бы получить маленькую компенсацию.

– Какую? – служанка посмотрела на меня с надеждой. Как тут не воспользоваться ситуацией с пользой для себя? Сколько взаперти предстоит просидеть неизвестно, а со скуки, боюсь, сойду с ума уже к завтрашнему обеду. Нужно срочно придумать занятие, которое скрасит этот плен.

– Насколько могу судить по реакции служителей замка, Мари, мое положение здесь – непонятно никому. Сколько лорд Картел будет держать всех нас в неведении по этому вопросу, тоже неизвестно. Поэтому мне хотелось бы себя как-то развлечь в это время. У вас же есть библиотека? – девушка неуверенно кивнула, а я продолжила: – А книги в ней имеются?

– Имеются, – все еще с опаской ответила Мари.

– Вы могли бы принести что-нибудь почитать?

И я пристально уставилась на девушку. Та под моим взглядом совсем заробела, только и смогла утвердительно кивнуть.

– Ну вот и отлично. Тогда с утра помимо завтрака и сменных платьев, надеюсь увидеть и книги.

– А что вы любите читать?

Желание у зашуганной служанки что-то уточнить, да и вообще продолжить разговор со мной, было неожиданным. Немного задумавшись, попросила принести что-нибудь из истории Мондара и феода Картел. Никогда я не проявляла любопытства к жизни наших соседей, теперь хотелось узнать хоть немного о месте своего пребывания. Не уверена, что Мари могла знать, какие книги в ходу у лордов и леди в столице, но все же попросила ее принести почитать модное и развлекательное. Девушка поклонилась, пообещала чуть позже занести необходимые для сна вещи и ушла. Я же полностью уделила свое внимание долгожданному ужину.

Бегу по лесу, хотя знаю, что мне не ускользнуть от преследователя. Ноги путаются в свеженаметенных сугробах, цепляются за коряги. Короткими сапожками то и дело загребая снег. Он холодными ручейками колет нежную кожу. Но я все равно бегу, оборачиваюсь, и вижу желтые горящие глаза волка, что настигают меня. Спотыкаюсь и лечу в сугроб...

Стук в дверь, и я резко открываю глаза. Сердце бешено колотится. В лесу заблудилась четыре года назад, и мне казалось, этот первобытный страх давно остался в прошлом. Сначала волк преследовал каждую ночь. Каждую ночь в ужасе, в мокром поту я вскакивала в момент броска. Потом этот сон мне снился все реже и реже. И вот опять вернулся. Стук в дверь становится настойчивей, а на меня накатывает осознание действительности: выбор достойного, мрачный маг, замок-тюрьма, в котором я нахожусь в непонятном статусе полуневесты-полупленницы. Папа... Дыхание перехватило и сердце сжалось от душевной боли. Папа, который продал свою единственную дочь. Я заплакала, по-детски, горько, с постыдными для леди всхлипами. Вспомнилось, как вцепилась в отца, когда очнулась после нападения волка, как прижималась в поисках защиты от всего мира. Очередной стук в дверь, заставил меня встать, несмотря на продолжающуюся истерику и добраться до уборной. Сквозь рыдания, тря-

сущимися руками я раз за разом набирала в ладошки холодной воды и умывалась, пытаясь, успокоиться. Ни к чему кому-то видеть меня в таком состоянии. Не пожалеют, у них в этом замке даже дышать принято только по распоряжению. Эта мысль заставила горько улыбнуться, а истерику отступить. Еще минут десять умывания холодной водой – и следов утренней слабости практически не осталось. Огромное зеркало в золоченой раме, что занимало добрую треть стены ванной комнаты, отражало напуганную, растрепанную девушку в грубой нижней рубашке. Гребень мне вчера так и не принесли и сейчас я могла бы заменить самое страшное крестьянское пугало. Волосы пришлось хоть как—то привести в порядок, банально распутывая пряди руками.

Разрешения войти, по всей видимости, так и не дождались. На столе дымился завтрак, на кровати лежала стопка одежды, преимущественно серые платья прислуги. На комоде обнаружилась внушительная стопка книг, полотенец и всякие милые женскому сердцу ванн принадлежности, без которых было неуютно всего пару минут назад.

Я как-то, даже облегченно выдохнула, обедев все это взглядом, и чихнула. Запоздало накатывало желание выжить, несмотря ни на что. Только вот и в карете сильно замерзлась, и умывание ледяной водой, наверняка не пройдет даром. А отсутствие домашней удобной обуви вынуждает ходить по ледяному паркету босиком. Пора начать более осмотрительней относиться к собственному здоровью. Скеп-

тически посмотрела на свое зеленое платье, что сиротливо висело на стуле. Рядом валялись туфельки в цвет к несвежему наряду. Годились они только для важных мероприятий и были настоящей пыткой для ног. Окинула еще раз взглядом одежду прислуги и, ничего не решив, отправилась завтракать.

Кормили просто, без изысков, но вкусно. Честно? Я искренне пыталась думать о всякой не имеющей значения чепухе: о том, что надеть, принять ли душ, интересные ли книги мне принесли, лишь бы только не возвращаться к размышлениям «зачем я здесь?». Прихватив вещички с комода, в ванную сбежала не от скорейшего желания смыть «дорожную пыль», а пыталась спрятаться от всех этих вопросов. Потом от них же скрылась в принесенных книгах. И так потекла череда дней, в которых я со всей старательностью прилежной отличницы бежала: по ночам от волка, а днем от непонятной, от того и пугающей действительности. Из прислуги ко мне заходила только Мари, которая хоть и тряслась, как лист на ветру, но все же пыталась быть услужливой и милой. Она забирала одежду в стирку, приносила еду и свежие платья. Уволокла и прочитанную мной за пару дней толстенную «Империю», стоило только попросить что-нибудь на замену.

Вообще я ждала. Каждый день ждала, когда придет лорд Картел. Неосознанно вздрагивала всякий раз, когда в дверь стучали, от чего сердце замирало на несколько секунд. И я быстренько зажмуривалась прежде, чем проем рассекала уз-

кая полоска света. Но это всегда была только Мари, которая по-прежнему делала неумелый книксен и желала мне доброго утра. Пару раз пыталась с ней заговорить о маге, но девушка бледнела, теряла дар речи и чуть ли не падала в обморок. От такой реакции мне и самой становилось куда как страшней, а желание выяснить хоть что-то мгновенно испарялось. На место любопытству и беспокойству за свою судьбу приходило некое внутреннее убеждение, что чем позже маг обо мне вспомнит, тем дольше я проживу. Так не стоит дергать кота за усы.

Так протекло еще шесть суток. С каждым днем я все сильнее чихала, Мари тревожно качала головой, причитая о том, что надо заварить мне лечебного чая от простуды. Наверяд ли горячий напиток мог бы помочь избежать болезни. В покоях не было камина и с каждым днем осень напоминала, что время длинных и холодных ночей неумолимо наступает. Вечер седьмых суток я встретила в компании тяжелого сухого кашля, что удушливо сковывал дыхание, полного носа соплей и высокой температуры от которой бросало то в жар, то в озноб. Мари в этот день ни разу не подняла на меня взгляд, что позволило со всей очевидностью осознать, что распоряжение лечить нежданную пленницу так и не поступило. Служанка поставила ужин на стол, неловко поклонилась и покинула мою темницу. Я же с некоторой долей отвращения посмотрела на еду, от одного вида которой замутило, и провалилась в спасительное небытие. Не знаю поче-

му в столь болезненном состоянии, мое сознание оказалось столь немилосердно: в горячечном бреду под ногами путался снег, позади преследовал огромный волк, что с каждым ударом сердце становился ближе, а вокруг стояла замораживающая тишина зимнего леса.

Глава 3 Доктор.

Старик, сгорбившись, сидел за столом и сверял отчеты по закупкам и их расходам в этом месяце. Периодически, очки скатывались к самому кончику его носа, намереваясь упасть, а господин Пемброк, в самый последний момент, привычным движением возвращал их обратно. За окном разыгрывалась непогода: ветер пригибал деревья все ближе к земле, а дождь хлестал по стеклу, будто пытаясь его рассечь. Словно что-то почуяв, управляющий отложил документы и задумчиво посмотрел в окно. В этот момент, всего на мгновение, в комнате сгустился туман, затем, рассеявшись, оставил после себя зловещую фигуру мага. Старик спешно вскочил, с почтением отвесил поклон и замер. Диалог с лордом всегда проходил лишь в голове господина Пемброка. До остальных маг доносил свою волю через управляющего. Зачастую не появлялся даже и на глаза старику, предпочитая посылать свитки с приказами.

"Лорд Картел, доброй ночи! Бесконечно рад наконец-то видеть. Ваше исчезновение сразу из Ратуши меня изрядно напугало. Могу ли поинтересоваться порядком ваших дел?" – беспокойно вопрошал старик у себя в мыслях. От чего, порой, ему казалось, что он сходит с ума в таких разговорах.

"Доброй ночи, Терис. Меня срочно вызвал Его Величе-

ство, не стоит волноваться. Как наша гостья?" – прозвучало в ответ в голове господина Пемброка.

"Гостья?!" – не скрыв возмущения и испуга, спросил управляющий и начал бледнеть. Ему доложили, что девушке нездоровится. Только старик все же уповал и надеялся, что леди чем-то не угодила хозяину и ее состояние не особо и важно. Эмоции своего слуги, не стали секретом для лорда Картел. И, если бы в этот момент господин Пемброк мог поседеть еще раз, он точно был бы абсолютно белым, как снег. Все вокруг начало отражать гнев хозяина и давить так, что старику пришлось сесть обратно на стул, чтобы удержаться на ногах.

Лорду Картелу нужно было не много для понимания, что действия управляющего точно ему не понравятся. Туман сгустился и маг исчез. А старик еле отдышавшись, в спешке, направился к дверям "гостьи".

Бегу по лесу, хоть и знаю, что не спастись. Ноги путаются в свеженаметенных сугробах, цепляются за коряги. Бегу, оборачиваясь. Вижу желтые горящие глаза волка, что настигают меня. Спотыкаюсь и лечу в сугроб. Переворачиваюсь, барахтаясь в обжигающем снегу, и смотрю как зверь прыгает, как раскрывает пасть... Зажмуриваюсь, отсчитывая последние секунды и.. и ничего не происходит. Волк не достигает меня.

В коридоре сгущается туман, и лорд Картел стучит в дверь зеленых покоев. Чуткий слух позволяет определить, что предложить войти ему никто не спешит, как и не торопится открыть. Из—за поворота появляется запыхавшийся управляющей с экономкой, последняя настолько бледна, что позавидует любой призрак.

– Доброй ночи, лорд Картел – сразу пытается и поклониться и сделать книксен, госпожа Митвелл.

Затем, будто ее никто не заметит, проскальзывает к двери и трясущимися руками вставляет ключ в замочную скважину. Воздух вокруг начинает сгущаться, а экономка и управляющий горбятся, можно подумать, им взвалили на спину невидимый мешок сена. Лорд же резко направляет руку на дверь и незримая сила распахивает ее, словно порыв ураган-

ного ветра прошелся по пустым коридорам.

Мрачная закутанная во все черное фигура мага замирает в проёме. Ладонь в черной перчатке проходится по царапинам от канделябра на темной деревянной поверхности. Давящий воздух в мгновение становится множеством потоков, режущих и разметающих все на своем пути. Створка двери и вовсе разлетается в щепки будто в нее врезалось таранное орудие. Люди в коридоре оседают, на каменных стенах остаются выбоины, как будто, сошедший с ума от отчаяния воин пытается разрубить мечом булыжник. Щепки от мебели начинают яростно метаться по спальне. Во всем этом хаосе невредимой остается лишь кровать, в которой лежит девушка и не приходит в себя, несмотря на беснующуюся здесь силу.

Кажется, маг не замечает ни страдающих в коридоре людей, ни мечущиеся осколки дерева. Он с холодным спокойствием проходит к кровати, стягивает перчатку и прикладывает тыльную сторону ладони к лицу леди. Это мгновение – пик всего, что творилось вокруг. Всего одно касание и на стенах перестают появляться новые борозды, щепки падают безжизненными ошметками, покинутые своими беснующимися духами, а прислуга с охами начинает приходить в себя. Господин Пемброк, цепляясь за остатки дверного косяка двумя руками и тяжело дыша, в гробовой тишине получает лишь одно указание:

"Вызвать целителя, немедленно. И она гостья, Терис! Го-

стей не запирают на ключ!"

Управляющий не стал бы им в этом замке никогда, если бы медлил с подобными поручениями. Поэтому не обращая внимания на стоны экономки, со всех ног отправился к Ошант-Аку, отправлять его в город, за целителем. Вечно неспящий попался в ближайших коридорах. Благо, ошанты всегда стекались к местам вспышек силы хозяина.

– Ошант-Ак, срочно привези из города целителя! Туда по изнанке, обратно дорогой. СРОЧНО! – задыхаясь и глотая слова, прохрипел старик. Вечно не спящему не нужно было повторять дважды.

Молодой мужчина с копной волос цвета соломы и пронзительными синими глазами склонился над кроватью девушки. У последней было запущенное переохлаждение и потому сильный жар. У склонившегося мастера-лекаря хроническое недосыпание и помятый вид. Последнего подняли посреди ночи воины-духи лорда Картела.

“А с вечно неспящими спорить о времени суток бесполезно, с хозяином замка и вовсе опасно для жизни. Спасибо, что дали возможность хотя бы одеться, а не притащили в исподнем, с них случилось бы”, – хмуро размышлял мастер-лекарь Эолан Торший. С опаской, разглядывал раскуроченный интерьер в комнате и с интересом рассматривал свою ночную пациентку. Пара горничных отчаянно пытались навести хотя бы подобие порядка.

– Итак, запущенное переохлаждение, отсюда сильный жар, несите таз с холодной водой и полотенца, – распорядился мужчина, раскрывая чемодан из грубой кожи прямо на постели. Перебрал несколько флаконов, раздумывая, какой выбрать. А одна из прислужниц уже вносила медную посудину, норовя не расплескать.

– Ставь..., – растерянно, опять оглядываясь на развороченную спальню, начал мужчина, – да вот сюда, прямо на пол ставь. Как тебя зовут?

– Мари, мастер Торший. А я вот им говорила, что леди плохо! Говорила же! – в сердцах стукнула тазом об пол де-вушка.

– А они что же? – повел бровью лекарь.

– А ничего они. Сказали – распоряжений нет, а им бы все распоряжения эти. А она же хорошая! Не такая леди, как обычные леди. Хорошая она, вот. – сбивчиво ответила служанка и поспешила продолжить приводить в порядок покои.

– Мари, а кому мне оставить рекомендации по лечению?

– Господину управляющему лучше всего.

– Можешь позвать? – мягко попросил мужчина, остановив наконец—то свой выбор на фиолетовом флаконе.

– Конечно, они там вместе с госпожой Митвелл чай успокоительный разливают, напугал их лорд, давно он в таком гневе не был! Вот очень давно! Ой! Зову! – снова смутилась от своей болтливости Мари и поспешила выполнять поручение мастера Торшия.

Исполнительная служанка, быстро миновала несколько поворотов и остановилась перед скромной полукруглой дверью, за которой во всю шел напряженный разговор.

– Алайя! Почему ты не доложила? Он нас чудом не прибил в том злополучном коридоре! – шипел управляющий, сидя за столом и прижимая ко лбу компресс, – чудом, Алайя! Слышишь? Чудом!

– Я докладывала, Терис! Докладывала! Ты что сказал? На ее счет лорд никаких указаний не оставил! Распоряжений

нет – значит не наша забота! – передразнивая официальный тон господина Пемброка прошипела в ответ главная экономка, убирая со своего лба полотенце.

– Ты не докладывала, что у нее жар и она там без сознания валяется. К черту! Уволю! – клацнул зубами управляющий.

– Уволь! Десять лет уже увольняешь... Ой как же голова болит... – опять прикладывая ко лбу тряпку простонала экономка.

В этот момент в кабинет без стука ворвалась растрепанная Мари. Увидев совершенно измученными своих начальников, которые чуть ли не синхронно злобно сверкнули на нее глазами, захотела сразу же сбежать. Потом вспомнила, что у нее поручение от лекаря и замерла в дверях:

– Мастер Торший просит кого-то прийти, кому оставить рекомендации для леди, – нервно подергивая форменное платье, пробормотала девушка.

– А стучаться тебя не учили, Мари? – гаркнул старик.

Госпожа Митвелл элегантно кивнула, всем своим движением выражая поддержку управляющему.

– Простите, – пролебезила служанка.

– Сообщите мастеру-лекарю, что я сейчас приду, – распорядился управляющий.

– Жар я сбил, – убрав руки со лба Киании, сообщил лекарь и, вытерев полотенцем лицо пациентки, продолжил, – состояние было запущенное, пришлось вливать силу, обычные настои не помогали. Но, чтобы лихорадка не повторилась, а девушка пошла на поправку, нужно продолжить лечение. Я оставлю все необходимое и напишу рецепт, как принимать лекарство. Неделю соблюдать строгий постельный режим и придерживаться рекомендаций. Завтра приду с визитом и оценю состояние пациентки. На этом все. Вопросы?

– Да, благодарю, мастер Торший. Можно ли надеяться, что леди придет в порядок в ближайшее время? – голосе господина Пемброка звучала надежда.

– От лихорадки умирают, только тогда, когда ее не лечат вовсе. Вот если бы вы меня не вызвали, то навряд ли с вашей леди было бы все в порядке хоть когда-нибудь. Но теперь, определенно, ей станет лучше уже завтра. Что произошло со стенами?

Лекарь явно сделал работникам замка выговор за запущенное состояние Киании. А резкая смена темы сопровождалась и преобразованием интонаций в голосе и настроении доктора. Вот он прямо и жестко осуждает, напоминая бескомпромиссного судью, но через мгновение превращается в светского сплетника.

– Лорд Картел... был слегка недоволен, – сконфуженно ответил старик, – госпожа Митвелл, возьмите рекомендации и проконтролируйте. Если что-то будет не в порядке, сразу же посылайте за мастером.

Развернувшись, управляющий вышел, оставив экономку выполнять поручения. Женщина беспокойно поджала тонкие губы и с готовностью уставилась на Торшия.

– Госпожа Митвелл, вот здесь расписаны дозы и время приема. Мне пора. Хотелось бы еще успеть поспать, перед утренним приемом, – мужчина протянул бумагу с на ходу проступающим текстом и поспешил на выход, – лекарство оставил в ванной комнате на раковине, поставить тут больше некуда. Всего хорошего.

Экономка быстро просмотрела полученный рецепт, придирчивым взглядом обвела комнату. Качество работы по уборке комнаты, видимо, нашла приемлемым и отправилась согласовывать с управляющим ремонтные работы в пострадавших покоях.

Бегу по лесу. Чувствую неизбежность. Дыхание сбивается, становясь тяжелым и рваным. Ноги путаются в свеженаметенных сугробах. Бегу, оборачиваюсь, желтые горящие глаза волка настигают меня. Спотыкаюсь и лечу на запрошенную землю. Переворачиваюсь, барахтаясь в обжигающем снегу, и зверь прыгает на меня, раскрывает пасть... Зажмуриваюсь, отсчитывая последние секунды и.. просыпаюсь от сильного стука.

Первая попытка открыть глаза провалилась из-за яркого света, бьющего со всех сторон. В горле было сухо, голова ещё или уже не болела, но была ужасно тяжёлой, грохот молотка оглушал и тянущим эхом раскатывался в висках. Пришлось вновь прикрыть веки и поморгать. Нехитрые действия помогли рассмотреть мужчин в форменных ливреях, которые споро навешивали входную дверь.

“Чего?!” Моему удивлению не было границ! Я даже умудрилась приподняться в кровати и теперь во все глаза таращилась на прислугу. Новая створка красиво блеснула гладью свежего лака, а нос учуял легкий запах древесины. Работники же, обнаружив мое пробуждение, застыли и растерянно переглянулись, а потом один из них выдал:

– Доброго дня, леди, – и вернулся к установке двери.

Запоздало натянула на себя одеяло и шмыгнула носом. И

тут на меня накатило все – выбор достойного, маг (чтоб его в синюю сталь вплавил), замок в другом государстве, непонятное заточение и явная болезнь, которая подкосила внутреннюю стойкость окончательно и бесповоротно. Сил ответить мужчинам в себе попросту не нашла. Да и ситуация была, мягко говоря, из ряда вон выходящая. Я выдохнула и обхватила лицо руками в надежде найти хоть в них какую-то опору.

– Э... Леди, Вам не здорвится? – обеспокоенно вновь обратился ко мне слуга.

Он был явно старше своего напарника, который аж лицом посерел, бросив лишь один взгляд в сторону кровати.

– Благодарю, господа, за беспокойство... – а дальше я, в прямом смысле слов, потеряла дар речи.

Раскуроченные стены произвели на меня неизгладимый эффект. Отсутствие другой мебели, кроме как кровати, на которой лежала, лишь добавило непередаваемых впечатлений. И как я сразу-то не заметила.. этот... этот погром?!

На каменной кладке и тут и там были глубокие борозды, где-то были отколоты куски. Стена интересного темно-зеленого цвета, до этого являющая собой образец эталонного мастерства каменщика, теперь больше походила на шкуру раненого крокодила. Правда, мне доводилось видеть этого экзотического зверя лишь в книгах, но вот его шкурами на ярмарках торговали часто, цена на них была, к слову, впечатляющая. Вспоминая базарные дни, я по-прежнему в шоке

переводила взгляд с одной стены на другую. Работники так и не дождавшись осмысленного ответа, взяли ситуацию в свои руки:

– Лорд Картел был не в духе ночью. Вот, – обвел он рукой комнату, – устраняем последствия.

"Был не в духе?!" мысленно ужаснулась я и нервно сглотнула. Еще раз осмотрела раскуроченные покои и уставилась на мужчину. Видимо, все мои мысли были так ярко написаны на лице, что слуга усмехнулся и пояснил:

– Да бывало и хуже, леди! Хорошо хоть, не часть замка снес! Он, конечно, тогда и сам заново строит. Ну магией, в смысле – вжух и все как раньше, – вдохновенно размахался руками мужчина, видимо, изображая тот самый "вжух", – но вот уж очень страшно, когда часть замка обваливается: трясется все, камни падают, магией всех трепет... А это так... Мелочи.

Работник обвел взглядом помещение еще раз и задумчиво добавил:

– Правда, стоит заметить, что он и по мелочи давненько уже из себя не выходил.

– Леди Омалин! – буквально растолкав мужчин, в комнату ввалилась радостная Мари, – Леди! Ох, леди! Как вы? Из-за вас тут такой переполох устроили! Целого мастера-целителя, да в ночь, привезли! Представляете?

Девушка замерла в паре шагов от кровати, картинно заламывая руки и радостно уставилась на меня. Голова по-преж-

нему работала плохо, но весомую перемену в поведении прислуги не заметить было нельзя. Да и слова Мари по поводу целителя навели меня на мысли, что распоряжение на тему "лечить – не лечить" всё-таки появилось. А я имею честь наблюдать интересный способ лорда отдавать приказы, высекая их прямо на стенах вокруг. Нелепость ситуации и общий сюр вызвали у меня истерический смешок и я обессиленно упала обратно на подушки, прикрыв веки.

– Леди! ЛЕДИ! Вам плохо?

Приоткрыв глаза обнаружила, что Мари склонилась прямо надо мной, а во взгляде служанки плескалось неподдельное беспокойство и страх.

– Очень, – проникновенно ответила я и не успела ничего добавить. Девушка тут же мгновенно и стремительно, практически выбежала из комнаты. Опешив, я снова поднялась в кровати и с недоумением смотрела на уже установленную дверь.

– Господа, а куда она...? – обратилась к работникам.

– Побежала главной экономке докладывать. Сейчас лекаря вам вызовут, – хмыкнул мужчина, – мы закончили.

На этом, собрав инструменты, слуги ушли, закрыв за собой. Поразмыслив и прислушавшись к собственным ощущениям, сделала вывод, что состояние мое еще пока далеко от нормального и лучше поспать. Может, в следующее пробуждение, хотя бы в голове прояснится. Пристроившись поудобнее и приготовившись ко сну, сразу забыться не смогла и вер-

нулась к безрадостным размышлениям о своей судьбе. Зачем я понадобилась магу? Почему сначала бросили тут одну, в четырех холодных стенах, теперь решили полечить? Может действительно для ритуала понадобилась? А для этого годятся только здоровые девицы? С соплями на жертвенный алтарь вход строго воспрещен. Последняя мысль заставила вообразить, что я прошу принести меня в жертву, а маг непреклонен. Берет и указывает на выход со словами "Нечего сопели по алтарю размазывать!". От таких фантазий развеселилась и незаметно для себя уплыла в сон.

Вдох. Выдох. Перед глазами мельтешат черные стволы деревьев. Бегу по лесу. Знаю, что мне не скрыться. Ноги путаются в свеженаметенных сугробах. Бегу, оборачиваюсь, желтые глаза волка яростно горят в предвкушении. Он вот-вот настигнет меня. Спотыкаюсь и лечу на припорошенную землю. Переворачиваюсь, барахтаясь в снегу, и вижу, как зверь прыгнул, как раскрыл пасть... Зажмуриваюсь, отсчитывая последние секунды и... и ничего не происходит. Нахожу силы вновь посмотреть на происходящее, а волк сидит и смотрит на меня. Потом трогает лапой мне лоб и говорит: "Фу, сопливую есть не буду!".

И тут я открыла глаза, больше даже по привычке так просыпаться после этого кошмара. Прямо передо мной сидел светловолосый господин с яркими синими глазами на мужественном лице.. Он трогал мой лоб.

– И не надо! – почему-то продолжила я начатый во сне диалог.

Господин удивленно моргнул, затем тепло улыбнулся и спросил:

– Что не надо, леди?

Вот и что тут ответить, когда на тебя смотрят не просто как на ребенка, а как еще и на душевнобольного. Я выдохнула и собралась с мыслями, чтобы попробовать объяснить:

– Прощу меня извинить, не сразу поняла, что проснулась.

Вы лекарь?

– Разрешите представиться – мастер-лекарь Эолан Торший, а как я могу обращаться к вам, леди? – мужчина подхватил мою ладонь и видимо приготовился ее целовать после того, как услышит имя.

– Леди Киания Омалин, – отчего-то сильно смутилась я.

– Приятно с вами познакомиться, леди Омалин, – тепло произнес мастер Торший и едва коснулся губами кожи, – итак, как вижу, состояние вашего здоровья сильно вами занижено. И чувствуете вы себя вполне нормально. Я прав?

От почти отеческого теплого тона, мужчина стремительно перешёл на деловой и очень строгий. Это заставило меня поспешно отнять ладонь и испуганно уставиться на лекаря. Тот же, нахмурился еще сильнее и даже руки на груди сложил, усиливая моральное давление, и начал отчитывать, чего я совсем не ожидала:

– Как вам не стыдно, леди Омалин? Ночью вы получили магическое лечение и все необходимые лекарства на неделю. Мы с управляющим договорились, что меня вызовут только в ситуации крайней необходимости. Подчеркиваю: крайней! У меня там целый город, между прочим, нуждающихся в срочной помощи и лечении. Других магов-целителей там нет! А вы что же? Решили притвориться и заявить, что вам **ОЧЕНЬ** плохо?

Господин сурово блеснул глазами и начал ожидать отве-

та. А до меня начало медленно доходить, что Мари действительно побежала вызывать целителя после несуразного заявления. Стало так стыдно и я попыталась честно все рассказать:

– Прошу, простите меня, мастер Торший. Мне действительно очень жаль, что так получилось, но я совершенно этого не хотела. Но Мари услышала только, что мне очень плохо, но не стала дослушивать почему. А потом и вовсе смогло сном.

Закусив губу в раскаянии, я поднялась в постели и опустила голову в знак своей вины. А Торший лишь повел бровью, как бы требуя продолжить объяснение.

– Понимаете... Меня забрали сюда, выкупив на выборе достойного, привезли, заперли, даже кормить отказывались сначала. Когда заболела, лечить тоже не спешили! И до сих пор мне ничего толком не понятно. На все мои просьбы увидеть лорда Картел – в ответ твердят “не положено”. Сами ничего не знают, а если и догадываются, то не пытаются объяснить. Меня неделю держат в четырех стенах!

На последних словах так стало саму себя жалко, все тщательно подавленные страхи и эмоции вырвались наружу всхлипом. На глаза навернулись злые слезы обиды:

– А на все мои требования они знаете, знаете, что отвечают? – некрасиво шмыгнула носом я.

Взгляд у мужчины потеплел и он даже руки расцепил. Посмотрел на меня с сочувствием и с каким-то странным сме-

ХОМ в глазах хмыкнул:

– Говорили что распоряжения не поступало?

– А откуда вы знаете? – удивилась так, что даже всхлипывать перестала.

– Я тут не первый год живу, лечу и имею дело с работниками замка, – размашисто поводил руками Торший, видимо показывая где его дом, где работа, а где прислуга, о которой, судя по тону, он не очень высокого мнения, – не расстраивайтесь леди Омалин. Лорд Картел прибыл в замок сегодня, полагаю, всю эту неделю вашего заточения его тут просто не было. Теперь есть возможность получить ответы на все интересующие вопросы. Не теряйте надежду. Правда, для начала, дней семь вам нужно провести в постели и восстановиться.

– Целую неделю? Господин лекарь, это жестоко! – с тоской посмотрела на мастера Торшия, – они же меня тогда тут на месяц запрут от усердия.

– Ну хорошо, три дня. А потом обязательная прогулка на свежем воздухе в течение нескольких месяцев, – смягчился мужчина и хитро на меня взглянул, – что скажете, леди Омалин?

Я так обрадовалась предложению, что бросилась обнимать этого самого прекрасного человека на земле. Торший явно не ожидал такого проявления эмоций от девушки, да еще и от леди. И, тактично высвободившись из объятий, поднялся:

– Ну, мне пора, леди Омалин, пойду передам новые рекомендации господину Пемброку.

– Спасибо Вам! Спасибо огромное! Если меня продолжат держать тут и никуда не выпускать – я с ума сойду! – с чувством сыпала благодарностями господину Торшию, который с какой-то опасливой и вежливой улыбкой покидал мои покои.

Если ситуация с лордом Картел не прояснится, то хотя бы теперь будут прогулки на свежем воздухе. Маленькая победа за комфортное заточение по-настоящему воодушевляла. На ее фоне даже осознание, что в ближайшее время я могу встретиться с магом и узнать свою судьбу становилась не такой страшной. Ведь где-то в глубине души меня не покидало чувство, что уготованная лордом Картел участь может быть по-настоящему жуткой. Настолько, что я даже не способна это осознать.

День пролетел незаметно. Несколько раз прибегала Мари, то узнать как самочувствие леди, то приносила еду и следила за приемом лекарств. К вечеру не до конца отступившая болезнь накрыла сильнее, быстро забрав силы и отправив в глубокий сон.

В грязное замковое окно, расплываясь неясным пятном, заглядывала луна. Осенняя темнота была полна таинственной тишины. В зеленых покоях погас магический ночник, стоявший на новенькой тумбочке, еще хранящий легкий запах древесных опилок. Отовсюду разом и вроде бы ниоткуда

начал появляться и сгущаться туман, плавно поплыл по покрывалу. Казалось, пытался укутать еще раз свернувшуюся клубочком фигуру девушки. Мужская фигура так и застыла в тумане, разглядывая безмятежное лицо спящей леди Омалин.

Глава 4 Невеста

Капельки дождя то и дело сбегали по мутному стеклу таверны, под размеренный шум непогоды. Мужчина с натянутым капюшоном крепко сжимал в руке деревянную кружку, из которой шел слабый парок. Напротив, нервно барабанив пальцами по столу, развалился лощеный брюнет. Он расслабленно откинулся на спинку скамьи:

– И что теперь делать? Маг забрал девчонку и оттуда ее не достать.

– Как вообще это случилось? У нас был идеальный план, лорд. Идеальный, – процедил мужчина из-под капюшона.

– Я понятия не имею откуда взялся маг, не шипи на меня!

– Тебе по-прежнему нужно стать хозяином земли Омалин, раз наследница теперь сводная сестрица – женись на ней, – загадочный собеседник пригубил напиток, что так долго сжимал в руке.

– Но я не стану законным мужем чертовой девчонки Кинии! Эта Паулина вообще деревенская потаскушка, милостью графа – удочеренная! Да и семья Омалин теперь настолько богата, что у них нет нужды выдавать замуж кого бы то ни было! – вскипел брюнет.

– Успокойся, лорд, – издевательски протянул "капюшон", – ты можешь предложить другое богатство, которого нет у графа Омалин – его любимую дочь, вероломно при-

своенную магом. Думаешь, ему плевать на единственную наследницу?

– Во-первых, тогда я не смогу жениться на Киании, а во-вторых, вернуть её от мага! Ты ополоумел?! Это невозможно. И вообще не факт, что с девчонкой до сих пор ничего не случилось! Может лорд Картел давно пустил ее на декокты... – начал было истерить мужчина, но, опомнившись, что в таверне они не одни, перешел на рычащий шепот.

– По нашим данным – жива. А вытащить мы ее сможем с помощью графа Хонэ, он не прощает таких обид и не принимает поражений. На этом и сыграем. Женись, от сестрицы и вообще всех Омалин потом избавимся, – стальным тоном ответил собеседник брюнета.

– Избавимся? Используем графа Хонэ? Как?

– Ну что ты как маленький? Карета упала с крутой горной дороги, а в ней чудом не оказались вы с Кианией. Последней нужно крепкое мужское плечо и вот ты уже ее муж. Неужели мне действительно придется объяснять такие вещи? Потом расскажу, как и что. Сейчас твоя задача стать наследным графом Омалин. Все – разговор окончен, – мужчина в капюшоне резко поднялся и покинул таверну.

Сегодня было прекрасное утро четвертого дня с момента моего знакомства с мастером Торшием. Проснувшись практически с первыми лучами солнца и, выскользнув из-под одеяла, закружилась по комнате прямо в исподнем. Жутко неприличное действие, но мне было так радостно, что решила и вовсе не думать о мимолетном распутстве. Наконец-то, впервые за почти две недели, я окажусь за пределами этих, теперь уже весьма потрепанных, стен.

Настроение, конечно же, поднимало и то, что Мари стала гораздо дружелюбнее и даже проявила инициативу, каждый день приносила мне новые книжки. В дверь тихонечко постучали.

– Входи, Мари.

Ну а кто же еще? Кроме девушки меня по-прежнему никто не пытался удостоить своим визитом.

– Доброе утро, леди Омалин! Вы уже проснулись? Погода сегодня просто замечательная, хоть и октябрь уже почти, – служанка толкнула сервировочный столик в покои и, добравшись до столика, начала раскладывать приборы для завтрака.

– Доброе утро, Мари. Я так рада, что смогу прогуляться! Не могла спокойно лежать в кровати ни минуты, – на моем лице появилась счастливейшая улыбка и я, совершенно по-

девичьи, крутанулась вокруг своей оси еще разочек.

Мари же совершенно не разделила подобной радости и приняла самый озабоченный вид. Нервно потеревив форменное платье, девушка глубоко вздохнула:

– Ох, леди! Пойду выяснять у госпожи Митвелл, как обстоят дела с прогулкой. Признаться честно, управляющий все три дня бьется над этой задачей. В парк даже заходить нельзя, не то что гулять. Сад же заброшен и находится в плачевном состоянии. Все в зарослях, да и дорожки давно не отремонтированы.

– Я согласна на сад! А почему парк не подходит для прогулок? Когда приехала, конечно же заметила, что за ним никто не ухаживает и уже давно. Но походить-то можно? – обратилась к Мари, надеясь хотя бы получить ответы на возникшие вопросы.

Наивных фантазий о том, что мне позволят погулять в парке, не испытывала точно. Особенно после разговора с мастером Торшием, сложилось впечатление, что легко здесь ничего не дается. Будто я в каком-то военном лагере для новобранцев, где все по распоряжению. И, уж если что-то запрещено, то строго и категорически. Даже не вздохнуть без разрешения! Мари посмотрела на меня большими испуганными глазами и как-то заискивающе начала:

– Я вам только по секрету расскажу! Когда меня принимали на работу, выдали список правил. И пояснили, что их соблюдать нужно неукоснительно, нарушители – расплатят-

ся жизнью. Прямо так и сказали! Одно из требований – не ходить в парк вообще. Выезжать в город и то можно только на повозке. В самом крайнем-прекрайнем случае по центральной дороге, ни на шаг с нее не сворачивая. Но это вообще не приветствуется: там везде дежурят ошанты и разворачивают тебя ждать повозку до города.

От переизбытка эмоций служанка даже обняла себя руками, глаза на худом, заостренном лице сделались совсем круглыми и она продолжила:

– Но я ещё когда в городе жила – много про этот парк слышала. Слухи ходят, что деревья в нем – людоеды. Поэтому в замок ни воришки, ни наемные бандиты – никто проникнуть не может. Центральный проход сторожат ошанты, а в остальных местах деревья, мол, охраняют.

Услышав про деревьев-людоедов, мне стоило больших сил сдержать улыбку. Вечно кто-нибудь придумает такую небылицу и запускает в народ, а вот такие Мари в эти рассказы свято верят. Наверное, парк тоже сторожат ошанты и просто не разбираются, кто там по земле лорда шастает – казнят сразу без суда и арестов. Вот кстати, еще интересный вопрос:

– Мари, а кто такие эти ошанты? В смысле, почему ты так их называешь?

– Леди Омалин, ошанты – это духи-воины. У нас это все знают. Они подчиняются только лорду Картел, – последние слова девушка проговорила еле слышным шепотом, явно бо-

ьясь даже произносить имя мага.

Мои попытки сдержать веселье провалились с треском. Отсмеяться получилось с трудом, особенно, увидев, как Мари обиженно надула щеки. Терять единственного собеседника и даже союзника я никак не могла и попыталась сгладить возникшую досаду девушки:

– В карету меня совсем не духи заталкивали, Мари. Тебя послушать, так тут на каждом шагу сплошное колдовство. Лорд Картел – маг, они не оживляют деревья и не приручают духов. Обычно владеющие такое силой люди кидаются огненными шарами или повелевают ветрами, – я даже показала на результат такого управления, избороздившего всю кладку в моей комнате.

– А вы много магов знаете? – пробурчала девушка и поторопилась покинуть место моего заточения.

– Все-таки обиделась.

Констатировала этот факт вслух, провожая взглядом худую спину, обтянутую грубой тканью простого платья. Нужно будет придумать, как помириться. Оставалось надеяться, что о моей прогулке затаившая обиду служанка всё-таки вспомнит. Сидеть в четырёх стенах было уже и вправду тяжело.

Мари, хоть и обиделась, но про пленницу не забыла. Уже через час, в присутствии двух мужчин, вручила мне плащ и сопровождала на свежий воздух.

Это стало первой возможностью узнать побольше о замке.

Сначала мы шли по просторному арочному коридору: через равные расстояния у стен друг напротив друга размещались колонны, сходящиеся арочной дугой под потолком. Серый камень и немытые стекла создавали удручающее впечатление, несмотря на веселые лучики солнца, оживляющие замок. Через равные промежутки то и дело встречались двери. Похоже, что это жилое крыло, где находилось множество покоев. Только вот совсем не понятно, кто же тут жил. Явно не слуги. А еще, вспоминая выделенную комнату, пришла к выводу, что грязные окна – это символ замка лорда Картел. Не удивлюсь, если они и на родовом гербе запечатлены.

Коридор то и дело извивался, и спустя несколько особо резких поворотов, мы оказались у огромной двери. Она была с массивными металлическими вставками, но в то же время деревянные панели были украшены потрясающей резьбой, изображающей плетистую розу. По замыслу художника растение как будто проросло прямо в двери. Полюбоваться мне не дали и минуты, Мари по-прежнему обиженно шла рядом и молчала. Мужчины и вовсе не сказали ни слова с самого начала. За дверью, оказалась элегантная лестница, по которой мы спустились в огромный замковый холл. Потолки были так высоко, что в этом помещении я почувствовала себя совсем крохотной. Из узких, но длинных окон, наконец-то чистых кстати, лился яркий свет. Падал огромными пятнами на каменную кладку что оказалась на самом деле светло бежевого цвета, а не серого, как представлялось раньше. Лест-

ница, по которой мы спустились, осталась позади, а прямо перед нами возвышались входные двери – полностью железные. Атмосфера в холле была поистине величественной, заставляя трепетать перед замыслом архитектора.

Я не смогла идти дальше и притормозила, разглядывая все вокруг. Ступени, по которым пришли, поднимались до третьей каменной кладки, а дальше делились на две ветви и расходились наверх вдоль стен. Получалось, что мы попали в этот холл из правого крыла. Сюда же вели несколько боковых коридоров, украшенных арками. Напротив, где должны были быть ходы в левую часть замка, оказалась глухая стена. Я с нескрываемым любопытством уставилась на лестницу.

– В левое крыло вход запрещен, леди Омалин, идёте, – с прохладой просветила Мари.

– Да мне в любое крыло вход запрещен, – полушутка нашла отклик в добром сердце служанки и она улыбнулась в ответ.

И я поторопилась вслед за ней. За железными дверями оказалось то самое крыльцо, на котором меня в день приезда встречал господин Пемброк. Наша маленькая процессия дружно двинулась направо. Стоит заметить, что от крыльца до запретного парка раскинулась подъездная дорога и несколько клумб. Дальше неторопливо прогуливались люди в черных одеждах. Видимо ошанты охраняли главный въезд, как и рассказывала Мари.

Сойдя по стертým ступеням, мы немного прошлись. До-

рожка была выложена плиткой, тянулась вдоль замка и обрывалась длинной лестницей ведущей вниз.

– Сад там, леди Омалин, Герн и Корби будут ждать нас тут. Пойдёмте? – служанка указала куда-то вдаль уходящих ступенек и опять нервно теребила платье, взволнованно поглядывая на мужчин.

– Пошли, – и я, слегка подпрыгивая, устремилась вниз, – догоняй, Мари!

Преодолев первый отрезок лестницы, обернулась и увидела раскрасневшуюся девушку, которая честно пыталась меня нагнать. Иллюзия этой свободы ударила в голову, манила почувствовать независимость от обстоятельств, и я решила убежать так далеко, как получится.

Сад состоял из нескольких разных уровней, соединенных между собой лестницами. И был, как и многое в замке мага, в весьма запущенном состоянии, что и сыграло со мной злую шутку. Самую верхнюю часть ступенек я преодолела стремительно, оставив далеко позади Мари, практически умоляющую леди не убегать. После небольшой площадки ступени вели в основную часть сада, вид на которую открывался также и с замковой балюстрады. Она была надежно скрыта давно не стриженным кустарником. О ее существовании я догадалась, только оказавшись уже на середине лестницы.

Каменная ступенька раскрошилась прямо у меня под ногой, лишив равновесия. Пара неуклюжих взмахов руками, чтобы вернуть телу баланс и вот я уже лечу головой вперед,

успевая краем глаза заметить темную фигуру на балюстраде. Сомнений в том, что это лорд Картел, не возникло.

Мелькнула мысль, что такой подлости, маг точно не ожидал. Жертва умирает буквально на его глазах, но не от его руки... Какая ирония! Все вокруг на мгновение стало двигаться медленнее, и я оказалась прямо в объятиях лорда Картел. Он, непостижимым образом, очутился на траектории моего падения. Сгустившийся вокруг туман, надо полагать, привиделся вследствие обморока, в который я благополучно погрузилась.

Девушка инстинктивно вцепилась руками в мантию и взглянула на черную тучу под капюшоном широко распахнутыми глазами. Всего миг – веки сомкнулись, а леди обмякла в объятиях мага. Мужчина среагировал быстро и без усилий подхватил Кианию на руки.

– Леди... – на самом краю лестничной площадки, появилась запыхавшаяся Мари. Трудно предположить, какие мысли закрались в голову раскрасневшейся служанки от увиденной картины. Девушка сделала пару стремительных шагов назад, скрылась из вида и, судя по хрусту веток, припустила куда-то вглубь сада. Маг размеренно начал подниматься со своей неподвижной ношей.

Летящий бег, кружит голову. Но ноги начинают путаться в свежеснеженных сугробах. Сердце бешено стучит, вызывает знакомую панику, что заставляет обернуться. Позади легкомысленно скачут желтые горящие глаза волка. Они вот-вот настигнут меня. Спотыкаюсь и падаю на белую землю кулем. Переворачиваюсь, барахтаясь в снегу. Вижу как зверь прыгнул, как раскрыл пасть... Зажмуриваюсь, отсчитывая последние секунды, но потом вновь нахожу силы взглянуть в лицо смерти. От волка меня закрывает темная фигура мага. Он резко дергает рукой в сторону зверя, и тот отправляется в полет, ударяется о ближайший ствол дерева. Лишь по удаляющемуся обиженному поскуливанию, понимаю – угроза миновала. Маг же вытаскивает меня из снега, поднимает на руки и несет куда-то, сквозь разыгравшуюся вьюгу. И я будто вижу его лицо, но не могу разглядеть, только темные волосы развеваются от мощного порыва ветра. В бесплодных попытках, лишь сильнее прижимаюсь к мужской груди, силясь успокоить дрожь.

Действительность возвращалась ко мне странным образом. Обычно, после своего “любимого” сна, я резко подскакивала то в поту, то с криками. А сейчас будто пыталась пробраться через толщу воды туда, откуда доносилось несколько

ко голосов. Кажется мне знакомых.

– Да не знаю я, чего она побежала!

Точно их уже слышала. Вот этот с нервными высокими нотками, похоже голос Мари.

– Ты должна была за ней следить! Почему вообще не доложила, что она по-прежнему больна? Мы вызвали бы лекаря тотчас!

Ох уж, этот поучительно-воспитательный тон. Едва ли экономку можно с кем-то перепутать. Такие как она вообще никогда не забываются. И их голос особенно. Вечно будет сидеть в голове и как дятел напоминать о нормах этикета.

– Прекратить немедленно этот базар. Одного явления лорда вам было сегодня недостаточно? Радуйтесь, что целы. Нам крупно повезло, что он не разнес весь замок к чертям за вашу оплошность!

А вот это ворчание без сомнений принадлежало господину управляющему. Реальность начала накатывать с новой силой – звуки стали громче, в глаза начал бить свет и пришлось их раскрыть. Правда, тут же зажмурилась обратно. От ярких солнечных лучей на глаза навернулись слезы, а голова начала шуметь. Откуда в моей комнате столько света я пока не торопилась узнать.

– Леди Омалин?

Приоткрыв слегка один глаз, обнаружила склонившегося надо мной мастера Торшия. В глазах мужчины читалась нарастающая озабоченность:

– Вы в порядке?

Сил что-то сказать не нашлось и я лишь отрицательно покачала головой в ответ. Хоть движение и было вялым, но оно давало понять, чувствую себя совершенно разбито. Грустный вывод напрашивается сам собой: моя прогулка закончилась так же стремительно, как началась. А потом мысли спутались и подумалось, что может это из-за мага так плохо? Ведь утром, да и все эти дни на здоровье жаловаться не было повода.

– Леди Омалин, – повторно и настойчиво обратился ко мне мастер Торший, – объясните пожалуйста причину вашего обморока.

Я обиженно поджала губы и уставилась на лекаря. Ну что он, в самом деле полагает, что на это можно хоть как-то разумно ответить? Мужчина посмотрел на меня своими удивительными голубыми глазами, но так строго. Невольно вздрогнула.

– Леди Омалин, мы, кажется, с вами уже беседовали, что мое внимание нужно многим...

– Мастер Торший! Я не знаю этих причин! – не дала ему договорить очередных обвинений в притворстве, – мне сейчас плохо! Очень. Свет яркий, голова тяжелая...

В конце тирады даже жалко себя стало и на глаза навернулись слезы. Но мужчина был неумолим.

– Это последствия моего магического осмотра, по результату которого – вы совершенно здоровы! – зловеще сверкнул

глазами лекарь, – что вы испытывали, когда падали в обморок, леди?

Я беспомощно окинула взором людей внимательно слушающих наш разговор. Найти у них поддержки или защиты от уже совсем не доброжелательного мужчины не удалось. Пришлось попытаться вспомнить момент, когда потеряла сознание. Вот бегу по лестнице и меня наполняет счастье, так легко и хочется смеяться. Но нога подворачивается, а потом я врезаюсь в мага. Посмотрела на всех присутствующих еще раз и потупила взгляд. Признаться было неловко, но мастер Торший, по-прежнему, взирал на меня очень сурово.

– Я испугалась, – проговорила сконфуженно и даже, кажется, покраснела.

– Леди Омалин, правильно понимаю, что это был банальный дамский обморок, какой бывает у вас при виде мышей? – мастер-лекарь тщательно приправил недовольство в голосе сарказмом.

– Даже если бы мышь оказалась размером с человека, она и на пятую долю не стала бы такой пугающей, как лорд Картел! – даже руки на груди сложить пришлось от возмущения. Вот же сравнение нашел! Где мыши вообще, а где целый маг? На моё заявление все среагировали по-разному: мастер Торший усмехнулся и, иронично покачивая головой, начал собирать свой чемодан, управляющий задумчиво хмыкнул и, попрощавшись, ушел, госпожа Митвел переглянулась с Ма-

ри, обе женщины будто искали у друг друга поддержки в этот момент. Вслед за лекарем удалилась и экономка, оставив меня наедине со служанкой.

– Я надеюсь, прогулки не отменили? – тяжелый вздох вырвался против воли.

Мари, до этого момента зябко обнимающая себя руками, наконец-то расслабилась и вяло улыбнулась:

– Никто ничего не отменял, при мне по-крайне мере. Но дел вы натворили – ужас просто, леди Омалин.

– Мари, я всего-то упала в обморок.

– Вы всего-то упали в обморок прямо в руки к... – замялась девушка и перешла на шепот, – прямо в руки к лорду, понимаете? И он вас нес до самых покоев. И сам в кровать уложил.

Сказав последнее, девушка смешно округлила глаза. Я непонимающе уставилась на служанку и похлопала по покрывалу, предлагая присесть. Во мне разыгралось любопытство, которое придавило все страхи и беспокойства на корню. Даже нашлось немного сил приподняться и удобно откинуться на подушки.

– Понимаете, леди Омалин, – начала Мари, присев, но снова перешла на шепот.

– Лорд, он же не общается ни с кем, только с управляющим. Я здесь вот второй год работаю – и ни разу даже его голоса не слышала. И никто не слышал, даже госпожа Митвелл, я спрашивала, – доверительно сообщила мне девушка.

Из рассказов Мари получалось, что все указания в замке раздает господин Пемброк и все беспрекословно его слушаются. В разговоре правда выяснилось, что еще с лордом Картел иногда общается Ошант-Ак. Среди воинов он был старшим, что-то типа капитана гвардии, если переводить на манер моего родного королевства. Всё, о чем знали слуги на протяжении более десятка лет – это стихийные разрушения замка, когда его хозяин был недоволен. По мнению Мари, что пережив такое, сделаешь все что угодно, только бы лорд был всегда счастлив и в хорошем настроении. Поэтому гнев по поводу моей болезни, а потом спасение на лестнице, для обитателей замка настоящий шок и конечно же повод для сплетен. Проболтав с девушкой не меньше часа, я к своему удивлению, выяснила, что никто, кроме Пемброка, не в курсе о моем статусе невесты лорда Картел, согласно законам Мондара и Аспергата. Услышав наконец-то историю о том, как её леди оказалась в замке, у Мари фанатично заблестели глаза и она заторопилась по рабочим делам. Похоже, в замке эта новость разлетится молниеносно, как самый горячий пирожок на свете. Этот день закончился, а следующие потянулись один за другим, чередой бесконечных серых туч, застилавших небо от края до края. Осень тем временем набирала обороты. Уже пару раз прошли настоящие ливни, а на улице становилось все прохладнее. Вот уже целую неделю я каждый день гуляла в заброшенном саду при замке в сопровождении Мари. По осторожному и предупредительному пове-

дению обитателей замка было понятно, что маг своих владений пока не покидал. Да и приставленная ко мне служанка это постоянно подтверждала свежими сплетнями о лорде Картел. Однако последний, видимо, заперся в левом крыле и не планировал его покидать. Время тянулось, а выяснить, зачем я ему понадобилась, возможности так и не представилось. Единственным заметным улучшением моего положения стало повсеместное обращение ко мне "леди Омалин". Проникнувшись моим официальным статусом невесты, слуги, на всякий случай, выказывали уважение.

Еще, пожалуй, вымытые окна в выделенных покоях, вселили маленькую надежду на светлое будущее. Оказалось, что маг, пока я находилась в его руках в состоянии обморока, каким-то образом устроил господину Пемброку выволочку за беспорядок. Тот аж заставил слуг вычистить весь этаж. Такая забота со стороны лорда добавила мне смелости. Даже шальные мысли о том, что ему и вправду понадобилась невеста, стали закрадываться в голову. И я решила испытать судьбу и побороться за свои права. Погода благоволила этому душевному порыву. На улице сегодня было совершенно мерзко и желания прогуляться не испытывала. Поэтому, когда Мари принесла с утра завтрак, мне пришлось огорчить ее заявлением. Сегодня мы осматриваем замок, а не сад!

– Леди Омалин! – взмолилась девушка, – я не могу такое организовать!

– А кто может? – добавила побольше строгости в голос.

– Господин Пемброк, н-навверное..., – служанка начала даже тихонько заикаться, а глаза сделались совершенно круглыми, как у совы.

– Так зови его скорее, – пародируя девушку, вытирающаяся на нее в ответ.

Замешкавшись поначалу, Мари спешно ретировалась. А мне осталось только репетировать грозные величественные интонации, которые могли бы произвести впечатление на господина Пемброка. Те нотки, что ошарашили служанку, навряд ли подействуют на человека, тесно общающегося с магом. Да и вообще, за весь мой скромный жизненный опыт управления родным феодем, подходящего к ситуации внушения точно не найдется. Поэтому, когда в комнату ворвался уже до крайности возмущенный управляющий, я растерянно кусала губы.

– Вы что удумали, милочка? – с порога начал краснеть Пемброк.

Я тут же перехватила инициативу и с неожиданным даже для себя напором, словесно напала на господина управляющего.

– Не милочка, а леди Омалин, господин Пемброк! И у меня соответствующий вопрос – вы что, забыли, кто я? – допытывалась, уже стоя напротив старика, сложив руки на груди и грозно сверкая глазами. Даже самой не верилось, что могу быть такой суровой. Внутри-то все тряслось! Вдруг после такой выходки мне и в сад выходить запретят? А управля-

ющий замялся и сначала даже не нашелся, что сказать в ответ. Лишь метал сердитым взглядом молнии, да недовольно двигал подбородком. Приободрившись, решила закрепить успех:

– Я невеста лорда Картел. И вы тому свидетель, более того, сами лично забирали соответствующие документы у поверенного, – давила изо всех сил на растерявшегося старика и, к моему удивлению, он самым настоящим образом сдулся.

– Я уточню у вашего "жениха", леди, – не забыл съязвить Пемброк и удалился.

Глава 5 Графиня

Терис торопился доложить хозяину о такой возмутительной и неслыханной наглости девицы. Всеми ненавистная магичка Арсена и та не смела претендовать на роль хозяйки феода Картел. И, тем более, представляться невестой! "Какая бесстыжая соплячка!", – кипятился Пемброк, стремясь поскорее добраться до левого крыла и сообщить о безобразии лорду. Главного замкового слугу распирало от негодования. "Ну уж лорд-то быстро эту малявку на место поставит! Зачем только притащил ее? Вот зачем?".

Старик миновал спуск в холл и, добравшись до единственного входа в левое крыло, был остановлен сгустившемся туманом. Дорогу управляющему перегородило мгновенно слепившееся, всклокоченное облако, из которого хмуρο уставились на визитера. Причем, появившийся левый глаз был выше правого и все время стремился уползти на бок образовавшейся тучи. Спустя несколько секунд из облака вырос горбатый и крючковатый нос, а после, где-то совсем внизу обнаружился и рот.

– Абашаль, мне нужно срочно к лорду, – попытался проскочить мимо Пемброк.

Облако тут же растеклось по всей двери, стало более плотным и перекрыло собой вход. А затем еще отвратительно скрипучим голосом объявило:

– Хозяин не велел беспокоить, – изо рта призрачного стража начали расти вполне себе материальные клыки и выглядели они совсем, как настоящие.

– Пугать будешь горничных, – прошипел управляющий, – иди и сообщи, что я по срочному и неотложному делу!

Вдобавок старик злобно зыркнул на духа, не успевшего окончательно стать плотным. Едва ли Абашаль мог испугаться строгих взглядов и шипящих звуков. Но Пемброк не визгливая девица, и прекрасно знает, что стражу запрещено причинять кому-либо вред.

"Можно было бы и не докладывать хозяину и управляющего не пускать. Так нажалуется потом его темнейшеству. Вот точно нажалуется", – растекался мыслеформами по стене Абашаль. Терис все это время стоял, скрестив руки на груди, и недобро смотрел на духа.

– Ладно, проходи, – решил охранник и втянулся в деревянную створку. Пемброк же поспешил оказаться в него-степриимном крыле и привычно повернул налево, в сторону кабинета лорда. Оказываясь перед нужным входом, Терис всегда поглубже выдыхал, пытаясь отогнать собственные страхи. Затем стучался три раза и открывал массивную палисандровую дверь. Это был своего рода многолетний ритуал для старика, каждый раз вызывая у него внутренний трепет. Лорд сидел за столом и что-то быстро писал. Он, как всегда, был облачен во все черное, капюшон мантии накинут на голову, а лицо скрывал туман. Руки затянуты в кожаные

перчатки: одна свободно лежит на столе, другая держит перо. Не отвлекаясь от своего занятия, маг в привычной своей манере зазвучал в голове управляющего:

"– Что случилось, Терис? Ты же знаешь, когда я занят, меня лучше не беспокоить."

– Лорд Картел! Это не терпит отлагательств! Это срочный вопрос, который нужно урегулировать, не откладывая его в долгий ящик! – затараторил Пемброк, – необходимо что-то решать со статусом нашей гостьи!

Маг медленно прекратил писать и, будто бы впервые проявив интерес к разговору, поднял голову на управляющего. Последнему всегда казалось, что из-под капюшона на него смотрит сама бездна.

"А что не так со статусом нашей гостьи?" – так же ровно, безэмоционально спросил хозяин замка.

Наверное, Терису стоило бы в тот момент почувствовать неестественную тишину, установившуюся в кабинете. Он потом себе много раз клялся, что должен был. Но желание поставить зарвавшуюся девчонку на место, оказалось слишком сильным. Молодая особа настолько не вписывалась в обычный уклад замка и к тому же влияла на настроение самого мага, что вызывала просто неконтролируемое бешенство у управляющего:

– Она нагло называет себя невестой! Вы представляете? Она заявляет, что имеет все права на феода и я тому свидетель. КАКАЯ ЧУШЬ! Вы же никогда не заведете себе же-

ну! – в сердцах, на одном дыхании, позабыв про все предосторожности, выпалил Пемброк.

Невидимая сила, будто вода во время прилива, сначала вся стянулась к магу, а затем волнами начала растекаться во все стороны. Старика из кабинета просто вынесло. Больно ударившись об стену в коридоре, управляющий понял, что дело дрянь. Спешно поднялся и, как мог, прикрывая голову от летящих камней кладки, понесся на выход из левого крыла. Замок начинало трясти все сильнее и сильнее, а падающие обломки становились все больше и крупнее. Впереди замаячила желанная дверь.

Маг продолжал сидеть за столом. Он то сжимал, то разжимал кулаки. Вокруг разливалась сила, начиная все больше разрушать замок. Кабинет был давно и надежно зачарован от погромов, поэтому многочисленные книги, пробирки и документы изрядно тряслись на полках, но не падали. Спустя несколько мгновений лорд поднялся, держась рукой за стол. Уверенности в своих силах он явно не испытывал. Резким движением собрал туман вокруг себя и исчез из кабинета.

Пещера в этой горе всегда встречала мага глухой тишиной и мягким синим цветом. Скрип закрывающейся позади металлической двери отрезал от хрупкого мира снаружи. Сделав еще несколько шагов, лорд обессиленно опустился на пол убежища.

Ожидать ответа от лорда Картел я решила в собственной комнате. Компанию мне составила беспокойная Мари, которая принесла обед. А теперь кусала губы, нервно теребила свое серое платье, но так и не решилась ничего сказать. Я же с аппетитом расправлялась с едой. Очередная ложка прекрасного говяжьего супа неожиданно расплескалась обратно в тарелку. Потребовалось нескольких мгновений для понимания, что это не руки у меня трясутся, а я полностью, вместе с замком. Осознание происходящего заставило вскочить из-за стола очень вовремя. На место, где я сидела, упал первый камень и так раскуроченной магом кладки. Все мысли ушли на второй план, когда вокруг начала подниматься пыль, что-то падать, трястись.

Ошарашенно посмотрела на бледную, впавшую в ступор Мари и на то, как в ее сторону летит камень. Ноги и руки сработали быстрее головы – я дернула испуганную служанку в сторону, выводя ее из под удара. Каких-то пару секунд и прям ей в затылок мог прилететь осколок. Следуя каким-то внутренним инстинктам, я потащила к выходу шокированную девчонку. Несколько арочных поворотов, открытая дверь с красивыми розами и мы выбежали в холл. Металлические створки центрального входа распахнуты настежь. Несколько слуг так же спешно стремятся покинуть поме-

щение, уворачиваясь от падающих камней. Как преодолела холл и крыльцо, да и как вообще оказалась в толпе перепуганных работников замка, не вспомнила бы даже под пытками. Мари растерянно смотрела вокруг и, похоже, по-прежнему, была в шоке. Лишь водила круглыми глазами по сторонам и хранила полное молчание. Тряслось еще минут пять, и вмиг успокоилось, словно ничего и не было.

Слуги потихоньку перешептывались между собой. У кого-то была разбита голова, лицо залито кровью. Их спешно грузили на повозку ошанты. У многих оказались исцарапаны руки, кто-то просто испачкался или порвал одежду. Оставив служанку, я подкралась сквозь толпу поближе к замку, с недоверием смотря на каменную махину. Для него как будто ничего и не произошло. Он всё также являл собой полную запущенность и безмятежность. Только вот валяющиеся то тут, то там куски кладки и указывали на случившееся:

– Это что? Неужели землетрясение? – среди боязливых шепотков, мой вопрос оказался слишком громким.

Полная удивления и непонимания я обращалась к громадине здания, и оказалась не готова оказаться в центре взглядов всех присутствующих. Стираящий с лица кровь управляющий взирал с особой ненавистью. Пихнув тряпку госпоже Митвелл, старик, расшвирупевший как тысяча пчел, двинулся на меня, прихрамывая. И я по-настоящему испугалась такого его зверского выражения лица, но ровно до визжащего:

– Это ваша вина! Это вы во всем виноваты! Это вы разгневали лорда!

Я опешила. Стоящие вокруг слуги посмотрели на меня по-новому, и взгляд их зажигался ненавистью, да так быстро и яростно. Точно в обозленных глазах отражалось, как они втыкают в незваную леди вилы, нож, топоры и и несут на костер, как самую страшную преступницу. Стало неудобно и плохо, хотелось закрыться от этой колющей со всех сторон злобы и убежать. Но я ведь даже этого их лорда не видела сегодня. Что он.. что несет этот старый дурень?! Внутри зажглась обида, в ее костер подкинула жажду справедливости и всю ту боль от этого чертового выкупа. Подняв опущенную было голову на сверлящего меня взглядом управляющего, холодно сообщила:

– Это вина мага, если он решил освежить ремонт в своем замке, таким нетривиальным способом! Это ваша вина, если донесли своему хозяину безрадостную для него информацию. Я графиня Киания Омалин, невеста лорда Картел. И, пока не разорвана помолвка, – обращайтесь ко мне, как к своей леди. В ином случае, я вас уволю из этого замка!

В конце речь стала особенно звенящей, подобно лязгу схлестнувшихся мечей. Я не ожидала от себя подобных эмоций. В старика хотелось вцепиться, расцарапать ему лицо, кричать и плакать, что это моя жизнь летит под откос! Что это меня купил маг с непонятной целью!

– Ну попробуй уволь, соплячка! – сверкнул глазами Пем-

брок, – и знаешь что? Хочешь быть невестой – будь. Делай, что вздумается. Но кто тебя вообще здесь послушает? Ты никто! И непонятно зачем здесь! Только полная дурочка может решить, что маг серьезно станет на ней жениться. – прошипел управляющий.

– Буду. Буду невестой! И стану делать, что вздумается.

В голосе моем оказалось яда не меньше, чем у старика. Я гордо заходила в замок первой, расправив плечи. От злости трясло, но все уроки этого дьявольского этикета вспомнились разом, помогая делать шаг за шагом.

Разрушения были... Непонятно, насколько значительные, если быть честной. На глазах выступили слезы и всё плыло, мешая рассмотреть последствия. Наверное от того, что свела лопатки до боли, как учила преподавательница хороших манер. Она говорила, так демонстрируют власть, силу и уверенность. Прямая спина, нос вздернут, кулаки сжаты и взгляд размыт. Это лишило возможности рассмотреть как следует рассмотреть учинённый погром. Чёткой была только одна задача – идти в сторону выделенной спальни, не сгибаясь. Впрочем, уже в коридоре, где не оказалось зрителей, я немного расслабилась.

Стало понятно: повреждения не критичные. Местами попадали камни, да и все. Где-то валялись куски больше, где-то меньше. Добравшись до покоев, стряхнула с кровати каменную крошку, устало присела. Потом и вовсе откинулась на спину, развалившись на покрывале. Тут меня накрыло и

затрясло от всего пережитого: я перевернулась на бок, при-тянула подушку, свернулась клубочком и заревела.

Горько. Больно. Несправедливо! Выкуп, предательство отца, эти подозрительные женихи... этот маг! Чтоб ему провалиться! За что меня так наказывала судьба? Я всего этого не заслуживала! Землетрясения, заточения и обвинений. Обвинений я не заслужила особенно... Если каждая невеста вызывает у мага истерику, пускай и вовсе не пытается жениться! Но теперь они меня не закроют, не позволю. Доведу мага до бешенства и выберусь из заточения! А потом сбегу! Вот обязательно сбегу, если только посмеют опять запереть! На мыслях о том, что идти мне некуда, я провалилась в спасительный и глубокий сон.

Господин Пемброк пребывал в дурном духе и в своем кабинете одновременно. Вокруг него беспокойной осой нарежала круги экономка. Они только только закончили раздавать указания по ремонту замка и его уборке.

– Терис, это ужасно! Нужно что-то делать! Мы оба знаем, что это закончится плохо! Очень плохо! – в который раз просеменив мимо стола, произнесла госпожа Митвелл.

– И какие предложения? – зло сверкнул на нее глазами старик.

– Я... Я не знаю. Но нельзя все просто оставить так, как есть.

Женщина остановилась возле окна и растерянно смотрела на сгущающиеся сумерки. Неожиданно над столом управляющего за клубился туман и из него выпал свиток. Оба работника замка смотрели на бумагу, как на ядовитую змею, и не торопились ознакамливаться с посланием.

– Это уже все! Совсем дурной знак! – выдохнула экономка.

Старик же взял свиток и он засветился странным синеватым светом в его руке. В послании значилось: "Господин Пемброк, вы просили прояснить статус леди Омалин. Повторюсь: она не только наша гостья, но и графиня. Поэтому ваша задача сделать так, чтобы девушка была счастлива и всем

довольна. Прошу, более без веского повода не посещать левое крыло. Надеюсь на понимание в этом вопросе. Все текущие дела разберем, как обычно. Рад, что в этот раз никто серьезно не пострадал, но не стоит испытывать судьбу."

Пробежав глазами по строкам, Терис самым натуральным образом заскрипел зубами. "Чтобы была счастлива и довольна?!" "Да что происходит, какое лорду дело до этой девки? Откуда он вообще о ней узнал и зачем купил?" – метались в голове старика злые мысли.

– Что там? – нетерпеливо облокотилась руками на стол госпожа Митвелл.

Опыт работы на мага давал о себе знать. Любопытная женщина даже не пыталась сунуть нос в послание, все равно ничего не увидит. Но надеялась, что начальник поделится сообщением.

– Тебе это точно будет не по душе, Алайя, – саркастично хмыкнул в ответ Пемброк, – Девушка должна быть счастлива и довольна. И это наша с тобой задача.

– Да кто она такая? Откуда взялась? С чего такие почести? – тут же взвилась экономка, – нет, ну пять лет же жили спокойно? Жили! Это совершенно нам не нужно! Не нужно нам никаких графинь и их довольства. Вот скажи мне, Терис! Скажи, откуда он ее приволок?

– Из Аспергата. Зачем, почему и кто такая – ох, если бы я знал сам! Ты не представляешь, каково было мое удивление, когда лорд притащил меня в ту дыру на этот чертов выбор

достойного!

– Ага, лорд Картел вдруг решил устроить свою семейну...

Старик не дал договорить. Стремительно вскочил с кресла и прикрыл женщине рот ладонью. Еще и страшные круглые глаза сделал. Госпожа Митвелл яростно убрала чужую руку от лица и провизжала истерично:

– Да вы совсем тут все рехнулись!

Пробуждение было просто отвратительным. За окном едва начало светать. По спальне витал запах остывшего ужина. Его, видимо, принесли вечером, но будить меня никто не утруждался. Так и проспала все это время прямо в платье и теперь в теле была какая-то тягучая усталость. Самочувствие оставляло желать лучшего, например горячей ванны, такой редкой в моей прежней жизни.

Спросонья растерянно глядела по сторонам. Меня не покидало ощущение чужого взгляда и чьего-то незримого присутствия. Присев на кровати, еще раз внимательно осмотрела раскуроченные покои. Вокруг уныло лежали камни и пыль. В первых лучах робкого рассвета комната казалась пустой и давно заброшенной. Решив, что уже просто схожу с ума, ринулась править собственное душевное здоровье водными процедурами.

Твердо заверила себя: завтракать в комнате я больше не буду. И сразу после утренних сборов отправилась гулять по замку. Управляющий сам вчера объявил: могу делать, что хочу. Вот и займусь тем, к чему привыкла – буду наводить в этой громадине порядок.

Путь лежал через знакомый холл, откуда, как я надеялась, можно было бы попасть в кухню. Других способов найти, где проводит свое основное время прислуга, не знала и готови-

лась поблуждать.

В коридорах никто не торопился навести порядок и постоянно приходилось обходить разбитые куски строительного камня. На их фоне удивительно было видеть абсолютно целую кладку. Никаких следов от повреждений на ней. Перешагивая, очередной осколок, испытала едкое чувство несправедливости. Оно затопило меня сполна.

Злилась абсолютно на все: на мага, на обвинения управляющего, на Мари, что не потрудились меня разбудить, и даже на саму себя злилась за желание наладить в этом замке привычный быт. Ведь не представляла себе иной уклад собственной жизни. Я привыкла, что порой приходилось и готовить самой, и убирать, когда наша единственная экономка, старая Розельда, не поспевала выполнить все поручения мачехи и сестрицы. Каждый день вставала с мыслью о делах феода, проверке счетов и перераспределении расходов, с ними же и засыпала. Решительно стоило признаться самой себе, что не могу по-другому.

Мне так хотелось стать полноправной графиней Омалин, наладить доход, вывести феода из упадка. И совершенно точно не хотелось выходить замуж. По-крайней мере не так и не за мага с его припадками.

На мыслях о хозяине замка я споткнулась и едва не полетела на встречу с полом. Будто только отошла от вчерашней тряски и по-настоящему осмотрелась вокруг. Он ведь обладает разрушительной силой, и от этого по коже бежит ужаса-

ющий холодок. Мне о таких возможностях магов даже слышать не приходилось. Да, о них ходило множество всяческих легенд и небылиц. Но, чтобы трясли замок? А как сильно он будет тормозить одну юную графиню, если ему что-то придется не по душе? Сердце сжалось испуганной птичкой.

Я остановилась перед знакомой дверью с проросшими розами и, обхватив себя руками, глубоко задумалась. И что делать? Бежать? Некуда. Стоит признаться, что если выпадет удача покинуть замок – куда двигаться дальше в чужой стране, мне совершенно неизвестно. Ну, а судьба девушек, решившихся на путешествие в одиночестве, известна. В лучшем случае бордель, в худшем придорожная канава. Да, мне как леди не полагалось знать, что такое бордель, но преподавательница по этикету была другого мнения. И все время утверждала: все девицы, без должного воспитания и знаний норм поведения леди, оказываются именно там.

Как ни крути – бежать скверный вариант. Это неисполнение договора, который подписал отец и тогда придется вернуть все деньги лорду Картел. Я же не сомневалась, что сестрица с мачехой уже спустили приличную сумму на подготовку к балу и наняли слуг. Несмотря ни на что, создавать проблемы отцу мне не хотелось. Возвращение сундуков с золотом грозило бы ему самым настоящим долговым рабством. При воспоминании о родителе стало горько. Как бы не была глубока моя обида, я не смогу его так... предать. К горлу подступил ком, а на глаза навернулись слезы: ведь он нашел

в себе силы обойтись со мной, как с породистой лошастью. Чтобы окончательно не расклеиться, попробовала подумать о чем-то другом.

Пошарив взглядом по сторонам, стремясь найти, чем заменить невеселые думы, еще раз горько усмехнулась. Расколотые, обвалившиеся камни вокруг, грязные окна, я совершенно одна в центре неприветливого коридора, облаченная в платье служанки. Зато передо мной – искусная резьба и наконец-то можно рассмотреть, как ветви розы протыкают деревянную поверхность, как цепляются за нее шипами, переплетаются друг с другом, призывая посмотреть, как проходят насквозь и выются с другой стороны. Может быть, эта прекрасная дверь и есть что-то жизнерадостное в моей жизни, просто ее нужно открыть. Да, страшно. И неизвестно с чем придется столкнуться! Но это лучше, чем стоять в пыльном помещении с немывыми окнами. А маг... может убить, может пустить на ритуал. Все может: я в абсолютной его власти.

Иллюзий на тему свадьбы у меня не было, как бы там не думал господин управляющий. Признаться, даже считала, что лорд Картел надеялся на получение земли, а теперь когда не вышло, попытается отыскать лазейки в международном праве. Но, когда поймет, что их нет – вернет невесту обратно. Мне это казалось единственным логичным объяснением. А найдется закон, позволяющий завладеть нашим феодалом, то можно жениться и быстро привалить молодую су-

пругу камешком в гневном порыве. Легкий способ освободиться от брачных обязательств, а, главное, в условиях землетрясений, – достоверный. Но пока, хоть какое-то время, я нужна ему живой. И возможно это шанс доказать, что могу быть в любом случае полезной, избавив его, например, от необходимости управлять замком. Абсолютно очевидно, он совершенно не интересуется хозяйственными делами, и за порядком следит Пемброк. Спусти рукава следит-то! Каменную громадину, порабощенную пылью, стало особенно жаль.

Набравшись решимости, я толкнула дверь.

В поисках кухни и хоть кого-нибудь из прислуги, мне пришлось изрядно поплутать. Пока осваивала новые помещения отметила, что камни здесь явно убрали, но в остальном порядок был скорее показным, нежели настоящим. На некоторых светильниках встречалась робкая паутинка.

Вскоре послышался шум, который часто бывает на кухне: звон посуды, всплески, гул голосов и печей. Я остановилась, не решаясь войти. В голову полезли страхи и опасения: меня хозяйкой замка даже в будущем никто не рассматривает, и прямо в глаза не стесняются об этом заявлять. Вспомнился управляющий и его обвинения. Стало совсем неудобно, по телу прошелся озноб.

Чтобы окончательно не передумать, я тихонько толкнула крепкую дверь, обшитую металлическими накладками. Та, к моему удивлению, открылась совершенно бесшумно, пропуская меня в маленький узкий проход. Над головой раски-

нулся небольшой свод, переходящий в арку, что вела в просторное светлое помещение. Работа тут просто кипела: кто-то что-то мыл, таскал, резал, варил, месил, солил.

Мой выход на кухню имел оглушительный эффект, в прямом смысле. Все разом остановилось и затихло. Оказаться в центре людских взглядов было тяжело. И пока мы с прислугой молча лицецерели друг друга, с другой стороны кухни раздался удивленно обеспокоенный возглас Мари:

– Ой, леди!

Обращение горничной вывело меня из смятения и даже помогло сориентироваться в ситуации.

– Доброе утро, Мари! С этого дня я прошу подавать мне еду в обеденный зал, в мои личные покои больше ничего приносить не стоит. Будь любезна, проводи меня туда, – тон мой был самым доброжелательным из всех возможных, но по мере моих слов, служанка съеживалась и сдувалась. Предчувствие, что все будет очень непросто не подводило. Поэтому к неприятному ответу внутренне я была готова.

– Леди Омалин... – девушка смотрела на меня огромными умоляющими глазами, но закончить не смогла, зато вмешалась грузная низкая женщина в переднике и чепце.

– Это распоряжение должно поступить от управляющего...эээ.. ледя. Если он не скажет, мы ничего такого делать не будем. И вам лезти в дела мага не советуем, – низкий грубый голос, рядом корзинки с едой.

О ее должности догадаться мне не представлялось воз-

возможным. Стало ясно, что местная прислуга от норм этикета еще дальше, чем собственно я сама. Требовать исполнения моих указаний бесполезно, это мы еще с экономкой и Мари прошли. Слушаются они только Пемброка, а он им такого рас-по-ря-же-ния не давал. Что ж, в родном феоде я многое делала сама. Волей не волей приходилось выполнять прихоти своей мачехи Сертии Омалин, урожденной Гурпильс. Она вместе с моей названной сестрой Паулиной считали себя настоящими графинями и домашними делами не озадачивали. Бывшие купчихи никогда не знали труда и нужды. Поэтому, когда Сертия побежала замуж за моего отца, она точно не предполагала получить к высокому титулу, столь же высокие долги. Поэтому с девяти своих лет я постоянно получала нагоняи и поручения, которые не очень вязались с моим происхождением. Но отец заливал свое горе в уважаемых домах за карточными играми и дорогими винами, а мой жизненный путь лежал в плоскости приживалки в собственном доме. Наблюдая, как мой феод приходит в упадок, мне пришлось брать управление в свои руки. Конечно, старый управляющий Дервис меня всему учил, сама навряд ли бы я хоть что-то поняла в двенадцать лет в долговых расписках и витиеватых прошениях о налоговых ставках. Но вот моя дорогая мачеха даже не пыталась разобраться. Лишь деланно поджимала губы и закатывала отцу истерики, когда я отказывала им в новых платьях, тканях и модных пудрах. Тогда прибегал лорд Омалин и каждый раз грозился, что откажет

мне в правах на принятие решений в феоде. И тогда приходилось увольнять очередную горничную и идти мыть полы самой. Возвращаясь из собственных невеселых воспоминаний и, найдя в них такую необходимую опору, улыбнулась. Впервые наверное за несколько недель:

– Что ж, я справлюсь сама.

И двинулась в сторону двери, за которой, как мне казалась должна быть кладовая. На кухне продолжало царить молчание. Спину мне буравило несколько любопытных и неодобрительных взглядов. А интуиция меня несколько подвела, приведя на склад швабр и ведер. Сделала вид, что именно на них и собиралась посмотреть, после чего открыла еще несколько дверей, каждый раз очень придирчиво, осматривая то, что за ними находится. Слуги не спешили возвращаться к своим делам и наблюдали за мной, но никто ничего не комментировал. Хотя, открыв дверь, ведущую вообще в какой-то незнакомый коридор, я несколько потеряла уверенность в себе. Думаю, что мечущаяся леди по кухне – тот еще повод для сплетен. Однако я наконец-то нашла место хранения продуктов и былая решимость вернулась. Набрав продуктов на нехитрый омлет, вернулась на кухню, где уже кипела работа. Выбрала себе краешек никем не занятого стола и принялась за готовку.

Изначально скептически настроенные люди, все более заинтересовано смотрели за моими действиями. На моменте, когда омлет уже шкворчал на скородке, а я задумчиво кро-

шила на него зеленый лук меня и застал управляющий. К сожалению, узнать о его приходе мне удалось только по внезапной вновь установившейся на кухне тишине и недовольному:

– Что вы здесь делаете?

Обернувшись, смогла лицезреть опешившего Пемброка в компании возмущенной госпожи Митвелл.

– Готовлю, – нахмурилась я, готовясь к очередному нападению от старика и отвернулась, торопясь переложить омлет на тарелку.

– У нас для этого целый штат кухонных работников, леди Омалин, – официальный тон управляющего поразил меня до глубины души. Не хамский, не саркастичный, не угрожающий, а именно что – официальный. Удивленно воззрилась на него, откровенно не понимая – господина Пемброка подменили?

– Целый штат, который с ваших же слов меня не слушает. Поэтому давайте не будем тратить время на очередное ваше хамство. Вы сами сказали, что я могу делать, что пожелаю, – посмотрела на него хмуро и скрестила руки на груди, надеялась, что выгляжу достаточно грозно. Старик нахохлился.

– Прошу леди Омалин пройти за мной. У нас срочное собрание, вы же не откажетесь познакомиться с вашими потенциальными работниками? – съязвил старик и развернувшись покинул кухню, за ним, бросив на меня недовольный

взгляд, посеменила экономка. Остальные работники, переглянувшись, останавливали свои дела и начали двигаться вслед за начальством. Подозревая какую-нибудь гадость, и я отправилась на загадочное собрание.

Через несколько помещений мы вместе с работниками кухни оказались в просторной пустой зале. Люди продолжали подходить, а на небольшой приподнятой части комнаты стоял управляющий и экономка, и о чем-то перешептывались. Мне живо представились музыканты на этой импровизированной сцене и танцующие люди там, где толпились все пребывающие работники. Воспоминания о весеннем бале дебютанток безнадежно испортили мне настроение.

Серое платье прислуги, чужой замок, вредный старик, который, кажется, собирается толкать какую-нибудь речь на тему “Леди никуда не впускать, сковородки не давать” и тоскливая осень за очередным мутным окном. Начал господин Пемброк вполне себе официально:

– Господа, у меня есть для вас важное объявление. Мы все понимаем, что наша работа является опасной, а зачастую непредсказуемой...

Люди в зале важно закивали и одобрительно поддакивали на такое начало речи. Да, определенно, чистка картошки – жуть какое опасное занятие. Настроена я была крайне скептически. Конечно, понимала, что почему-то здесь не принято вообще лишний раз упоминать лорда Картел. И все что сказал господин Пемброк переводилась как “Мы работаем

на мага, он псих – нам на голову может упасть камень”, но все равно раздражалась.

– ...И вот настал новый неожиданный поворот для всех нас, – продолжил старик. Видимо, долго господин управляющий говорить не любил, а может, не умел. Но даже я прониклась любопытством к тому, что же он так завуалированно назвал “неожиданным поворотом”. Неужели меня?

– Лорд Картел распорядился о полном подчинении всех нас леди Омалин, – важно и очень деловито сообщил Пемброк, обводя всех каким-то благосклонным и даже отеческим взглядом.

Третья за день воцарившаяся тишина аж звенела у меня в ушах. Я готовилась к долгой обороне, требованиям, шантажу, полю битвы за права ходить по замку и мытье окон. А тут просто вдруг все в подчинении и всё? Я смотрела на господина управляющего круглыми от удивления глазами и не верила собственным ушам. Через несколько мгновений до меня все же дошло – сверху поступило пресвятое “распоряжение”.

Это не старик решил со мной наладить отношения или что-то там поменялось про мой статус. Это просто чертово распоряжение от мага, с которым никто никогда не спорит, судя по всему. Собрав, расползающиеся мысли решила не упускать момент и громко обратилась к управляющему:

– Что ж господин Пемброк, раз вы тоже в моем подчинении, хочу ознакомиться с доходными книгами, списками

закупок и ценами от поставщиков. Госпожа Митвелл, с вас список горничных и закрепленные за ними обязанности и помещения.

Управляющего перекосило злобой, экономка была полна возмущения и с какой-то надеждой смотрела на начальника, тот же скрипнув, зубами ответил:

– После завтрака, буду рад видеть вас в своём кабинете. Мари, проводи.

– После завтрака, буду рада видеть вас в МОЁМ кабинете, господин Пемброк, надеюсь, что Мари мне его покажет, – внутри я вся сжалась, когда это говорила. Но какое-то чутьё подсказывало, что либо сейчас, либо никогда. Старик просто прожигал меня взглядом. Несколько мгновений мы смотрели друг другу в глаза, и кажется, даже не моргали. Управляющий первым отвел взгляд:

– Госпожа Митвелл, подготовьте кабинет для леди Омалин, – распорядился и покинул залу, прислуга провожала его ошарашенным взглядом. Экономка же просто припустила за ним, видимо решив, что начальство срочно нужно вернуть на путь истинный.

Я отыскав глазами Мари, кивнула ей в сторону двери из которой мы пришли с кухни, намекая, что меня пора бы и накормить. Несмотря на то, что настроение мое улучшалось с каждым шагом, а в глазах зажигались счастливые чертики, приходилось напоминать себе, что все может быть совсем не так, как кажется на первый взгляд. Покладистость Пемброка

от одного только указа мага должна пугать. Как и сам лорд Картел со своими непонятными мотивами. Но я все равно ужасно радовалась, что наконец-то займусь делами, которые меня по-настоящему увлекают и захватывают.

Возмущенная женщина нагнала управляющего прямо в коридоре и набросилась на него:

– Терис, мы что серьезно позволим этой барышне тут командовать? Ты совсем рехнулся? Это плохо закончится!

– Это закончится еще хуже, если мы проигнорируем лорда, Алайя, – с усталостью во взгляде ответил мужчина.

– Он этого не просил! Она же ни черта не знает про уклад! Про правила! Правила, Терис, они написаны кровью на стенах этого замка!

– Он просил обеспечить леди Омалин счастье, довольство и хорошее настроение, она хочет командовать – пускай. Наша задача – направить её усердие в нужное нам русло и держать подальше от хозяина, – сурово закончил управляющий и двинулся дальше.

Глава 6 Хозяйка.

Уже который день в выделенном мне кабинете звучали вопли возмущения и недовольства. Постоянно кто-то вбегал, кричал, уходил и возвращался то вместе с управляющим, то с экономкой. Последняя позволяла себе только гневные взгляды и шла за Пемброком. Благо, далеко ходить не приходилось. Видимо, предоставить мне кабинет, соседний с управляющим, госпожа Митвелл нашла ужасно забавным. По началу старик прибегал в состоянии бешенства. Если быть честной, до этого состояния он дошёл сам еще в первый день моего погружения в экономические дела замка. Никак господин управляющий не ожидал, что я хоть что-то смыслю в договорах, накладных и поручительных грамотах. Поэтому абсолютно все вопросы, которые каким-то образом ставили компетенцию Пемброка под сомнение – были сродни взорвавшемуся вулкану. Про эти горячие горы я тоже только читала и никогда не видела. Но старик покрывался красными пятнами, затем его лицо полностью стало ровного тёмно-бордового цвета и он начинал прямтаки пыхтеть, а потом начинал орать. То, что лезть в давно устаканившиеся дела, было сродни лезть в те самые вулканы, я понимала. Поэтому всеми силами удерживала себя от встречных криков и агрессии. Лишь на все выпады Пембро-

ка, добавляла уточняющих вопросов, что, например, холстина из соседнего феода Дервинса, никак не может стоить в пять раз дороже шелка из Вертаналиса, что находился через целое море от Мондара. Управляющий орал, плевался и ругался, но, к его чести, находил внутри силы по итогу соглашаться с “соплячкой” и вызывал поставщиков “на ковер”. Не знаю, сколько бы мне хватило сил молча раз за разом выслушивать, что я маленькая девочка, которая ни черта не понимает, но к третьему дню, старик видимо сам устал скандалить. Поэтому когда в очередной раз он зашел ко мне вместе с экономкой и зареванной горничной, лишь сухо уточнил:

– Почему вы увольняете госпожу Даяну?

– Позавчера госпожа Митвелл предоставила мне информацию, по которой девушка должна убирать коридор за этой дверью. Если вы помните, мы провели собрание и высказали, что горничные скверно выполняют свои обязанности и им стоит проявить усердие, если они хотят продолжать здесь трудиться.

– Да, я помню, леди Омалин. Если вы еще раз намекнете мне на возраст, я буду обращаться к вам исключительно сопливая леди, – перебил меня старик, начиная закипать.

– Так вот, сегодня я обнаружила в коридоре три паутины на настенных светильниках, окна помыты наспех и на них остались грязные разводы, пыль..., – сохраняя хладнокровие продолжила я.

– Я вас понял, госпожа Даяна, у вас два дня на то, чтобы

навести идеальный порядок, госпожа Митвелл, проконтролируйте. Уволим через два дня, если ничего не изменится, – последнее было брошено мне и старик собрался уже возвращаться к себе.

Сдавать свои начальствующие позиции старик явно не собирался, а я и не пыталась их отобрать, понимая, что прислуга и поставщики слушаются его чётко и беспрекословно. Правда, почему до сих пор сам управляющий не сбегал пожаловаться магу на мое самоуправство... Ну не сбегал и не сбегал, отмахнулась я от этих мыслей. Вообще все, что касалось моего статуса и судьбы по-прежнему выгонялось подальше из головы. А полученное пространство занималось новыми счетами и поставками, которые мне теперь чуть ли не каждый час приносили от управляющего на согласование! Феод лорда Картел был в разы больше моего родного в Аспергате. И деловых бумаг тут было тоже в разы больше. Поэтому теперь моё утро начиналось на два часа раньше, а в свою комнату вечером я практически приползала, валясь от усталости.

За прошедшие дни я успела немного побродить по правой части замка, правда в сопровождении Мари. Последняя при любом моем взгляде в сторону левого крыла, чуть ли не падала мне в ноги с мольбой пощадить и тащила куда угодно. Не сказать, что я мечтала о встрече с магом, но отшельничество лорда Картел будило во мне любопытство. Однако Мари так яростно боролась с любым проявлением последнего,

что даже вызвала мне портную из города, ни с кем это не обсудив. Вообще ни с кем. Это в очередной раз заставило меня задуматься, почему все так боятся мага. Даже управляющий явно ломает себя, подчиняясь воле лорда.

С такими мыслями я отправилась в очередную прогулку по замку с инспекцией. Мари тут же откуда-то появилась и составила мне компанию. То, что у девушки стояла задача присматривать за мной и никуда одну не отпускать – было совершенно очевидно. В любом случае с горничной мне было спокойнее: она неплохо знала замок и кто за какую часть его отвечает. Про ту же Даяну мне рассказала именно Мари.

Мы отправились в основную часть правого крыла, пройдя низкий коридор с теми же арочными балками, вышли на балкон просторной залы, с очень высокими потолком. Много колонн, стоящих по кругу сходились в центральной точке потолка, создавая ощущение его бесконечности. Между колонн были узкие, но длинные окна с разноцветными витражами. Балкон, на который мы вышли, полукругом шел на середине помещения, с него вниз в залу спускалась лестница. Стоя на балконе я впервые залюбовалась этим строением. Несколько работников отмывали витражи и через них пробивалось холодное осеннее солнце, оставляя на желтоватом камне яркие пятна. Наблюдая усердие работников, пришла к выводу, что история Даяны быстро разносится по замку.

– Мари, могу спросить про работу прислуги? – обратилась я к девушке, когда мы покинули залу и перешли в очеред-

ной коридор. Вообще замок был сплошным нагромождением переходов, которые вдруг выходили в огромные комнаты. Или можно было долго идти, а справа и слева было бы много дверей в спальни и кабинеты. Мари объясняла это тем, что вотчина лорда Картел высечена прямо в горе.

– Да, леди, конечно.

– Почему в замке так много работников и такое запустение? – взглянула я на девушку с любопытством пытаюсь уловить реакцию на мои слова. Горничная с опаской поймала мой взгляд и смутилась.

– Вы опять будете надо мной шутить, – лицо у Мари заалело румянцем.

Я недоуменно обвела взглядом девушку, а потом сообразила:

– Деревья-людоеды предпочитают трудолюбивых горничных? Или боятся грязных окон?

– Ну леди! Ну... вот вы опять! – окончательно покраснела девушка, – дело в магии! Вы же видели витражи?

– Видела, – еще не понимая, к чему клонит Мари, разве-селилась я.

– И они не пострадали от гнева мага! – заговорщицким шепотом, смешно округляя глаза, сообщила мне горничная.

– Ты думаешь их защищал слой грязи? – тем же таинственным тоном поинтересовалась у девушки.

– Ну, леди Омалин! Ну магия же здесь кругом! Вдруг пришибет! – не выдержала служанка громко возмущившись на

весь коридор и трагично прижимая руки к груди, – мы боимся лишний раз куда-то лезть!

– А по-моему просто кто-то уклонялся от трудовых обязанностей, охотно прикрываясь нелепыми страхами, – тепло улыбаясь такой наивной Мари, впервые внимательно изучая нежно-голубые, слишком большие для такого худого лица глаза, несколько веснушек на бледной коже и выбившийся из косы каштановый локон. Последний добавлял горничной дурашливости и какого-то озорства, – не умер же до сих пор никто, – беззаботно добавила я.

Девушка же после моих слов моментально помрачнела, сделавшись еще бледнее. Несколько раз бросив на меня хмурый взгляд и словно, решившись на что-то, набрала побольше воздуха:

– Говорят, что около десяти лет назад погибла горничная. Как раз таки во время такой вот тряски. А еще лет пять назад замок вообще был серьезно разрушен и его аж сам лорд восстанавливал при помощи магии. И... И.. говорят зачаровывал тут каждый камешек, чтобы больше никто не пострадал. Информация меня поразила до глубины души, я даже остановилась и уставилась на Мари во все глаза.

– Что, леди? – испуганно замерла вслед за мной горничная.

– У страшного лорда, мага, безликого, служителя преисподней, хозяина духов и деревьев-людоедов за последние десять лет всего одна служанка погибла в результате несчаст-

ного случая? – очень страшно округлила свои глаза, показывая всю степень своего шока горничной. Мне наверное не стоило ни гримасничать, ни уж тем более фривольничать в общении с прислугой, но очень хотелось хоть немного побыть собой.

– Леди Омалин, не поминайте лорда Картел то лишний раз, да такими словами, – вновь перейдя на шепот взмолилась девушка.

– Мари, в моем родном феоде люди и то чаще гибли – банально сворачивая себе шею по праздникам в результате излишних возлияний. А у вас тут, с ваших же слов, целое логово страшного кровожадного мага. Работники то и дело каждый месяц должны бесследно пропадать с таким-то хозяином, – говорила и сама себе удивлялась.

Страхи простых людей мне были не только понятны, но и знакомы. Я сама постоянно поддавалась паническим настроениям на тему лорда Картел. Но сейчас мне казалось, что магу и вовсе нет дела ни до меня, ни до собственного замка и людей в нем. За несколько недель он появился всего пару раз, при этом не сказав и слова. Лорд вообще никогда, ни с кем не говорил и все его распоряжения поступали исключительно через Пемброка. Это я выяснила тоже из разговоров с Мари. Может, даже он откуда-то узнал, что в моем замке окна чистые и решил, что должен получить этот магический секрет, поэтому графиня Омалин сейчас здесь. От таких мыслей я расхохоталась, чем окончательно ввела в шок горничную.

– Леди! Леди? Леди, да что с вами? – причитала служанка, пытаясь встретиться со мной глазами. Отсмеялась я быстро и девушка, заглянув мне в глаза очень искренне спросила, – а почему работники должны постоянно пропадать?

– Как? А кого же еще пускать на кровавые ритуалы в каждое полнолуние? – уже не сдерживая веселья, ответила Мари. Та, в очередной раз, насупилась и молча двинулась вперед. Пройдя несколько метров, решила мне ответить:

– Вот верите вы во всякие рассказы, леди! А надо мной смеетесь, – неожиданно тоже развеселилась Мари. Мы переглянулись с девушкой и засмеялись уже вместе. В таком приподнятом настроении и болтая уже о делах в замке, горничная привела меня в место, которое в скором времени стало моим убежищем, пристанищем, словом, практически логовом. Наш сегодняшний путь лежал в библиотеку.

Первое, чем я восхитилась, это полностью деревянной двустворчатой дверью. На ней была сделана искусная резьба с изображением переплетающегося леса, из которого то тут, то там на меня смотрели разные животные. Пораженная такой тонкой работой, хотела дотронуться до грациозного оленя, но Мари в этот момент толкнула дверь, распахивая ее. И резьба потеряла всякое значение, потому что впереди был настоящий лабиринт из полок с книгами. В отличие от многих помещений, здесь были не очень высокие потолки – если залезть вон на тот стол, то можно даже попробовать дотянуться до люстр. Их тут было по одной-две в каждом прохо-

де, кованые перекладыны со странными свечами на концах крепились к потолку при помощи цепей.

В помещении было сумрачно, но при открытии двери ближайший к ней светильник зажегся, рассекая лучами пространство. Не скрывая своего радостного восторга, я метнулась к полкам. Они доходили до самого потолка и доверху были заставлены книгами. По мере моего продвижения зажигались люстры, давая понять, что в этой библиотеке вообще никто и никогда не убирался. Около особенно большого шкафа обернулась к застывшей Мари. Девушка была явно собой очень довольна. Я же обнаружила свои следы, оставленные на пыльном полу, провела рукой по ближайшей полке и хитро улыбаясь показала горничной грязную ладошку. Девушка ойкнула и посмурилась:

– Леди Омалин, за библиотеку никто не отвечает. Но вы можете...

– Я могу, Мари! Но сюда никого не пущу и разберусь тут сама, – счастливо сообщила горничной. Рассматривая проходы из полок, далеко уходящих куда-то вглубь помещения, понимала, что не хочу никого сюда пускать. Такая сокровищница и никому не нужна. Еще раз взглянула на девушку:

– Мари, мой кабинет теперь будет здесь!

Весь остаток дня я счастливо провозилась за уборкой рабочего места в библиотеке. Правда, от помощи Мари всё же не отказалась, понимая, что мне одной там только пыль протирать до следующего урожая. Мы привели в порядок несколько столов, оборудовали один для моей работы, сняли и отправили на чистку тяжелые шторы, и горничная, настойчиво отобрав у меня швабру и ведро, помыла полы. Ужасно уставшая, немного припыленная, но бесконечно довольная, я добралась до своей комнаты, уже когда смеркалось. Освежившись, моментально провалилась в глубокий сон.

Бегу по лесу, удивленно озираясь по сторонам. Ноги путаются в свеженаметенных сугробах, но, вместо снега, поднимается пыль. Бегу, оборачиваюсь, вижу желтые горящие глаза волка, что настигают меня. Спотыкаюсь, лечу в сугроб. Переворачиваюсь, барахтаюсь в пыли, вижу, как зверь прыгнул, как раскрыл пасть... Зажмуриваюсь, отсчитываю последние секунды и потом вновь открываю глаза. Передо мной сидит волк: на ухе висит унылая паутинка, грустные голубые глаза смотрят прямо на меня. Внимательно. Долго. Молча.

Просыпаюсь от ощущения чужого взгляда. Растерянно и все еще испуганно, смотрю по сторонам, но в комнате никого нет. В окно заглядывает круглая, как блин, луна, освещающая

каждый уголок и разгоняя подозрительные тени.

Сон как рукой сняло. Сердце колотится, как бешеное. Мой кошмар не снился мне уже больше недели и вот опять. Встать и обойти комнату я откровенно трусила. Все казалось, что, стоит опустить ноги на пол, за них кто-нибудь схватит. Промучившись нелепыми страхами еще с полчаса, мне все таки удалось вновь уснуть.

После моего переезда в библиотеку потянулись дни, полные бумаг, договоров, распоряжений и даже встреч. Порой мне казалось, что господин Пемброк пытается проверить меня на прочность, а может даже и поставить на пресловутое место. Встречаться с хитрыми купцами или суровыми мастеровыми было ужасно тяжело. С первого взгляда они отмечали меня как пустое место и откровенно отказывались даже разговаривать с “дитём”. Я не сдавалась и отстаивала выгодные договора, а старик к моему удивлению вставал зачастую на мою сторону и порой начинал с не меньшим азартом торговаться и вести переговоры. Но мерзкое ощущение, что мне постоянно намекают на несостоятельность, не покидало. Поэтому я предпочитала после подобных встреч отсиживаться в глубине библиотеки с книжкой в руках. Мне на глаза попала история до начала времен. Ее я и читала с упоением, отвлекаясь от негативных эмоций. Поток бумаг несколько уменьшился в силу того, что перезаклученные договоры были долгосрочными и требовали моего внимания лишь однократно. Поэтому день стал проходить по примерно тако-

му плану: просмотр ежедневных отчетов, завтрак, ревизии, инспекции или встреча с каким-нибудь дельцом, обед и чтение книг или документов до самого ужина. После старалась отправиться поскорее спать. Помимо кошмара, к которому я уже несколько даже привыкла, иногда по ночам стала просыпаться от навязчивого ощущения чужого присутствия. За пару недель мой сон стал настолько беспокойным, что уже подумала о том, не схожу ли с ума. Пока моя случайная выходка не раскрыла причину моих тревог.

«— Это наш обычный. Самый древний, самый почетный! Как можно пренебрегать тем, что передавалось из поколения в поколение? Девочке пора замуж, тебе нужен помощник и крепкое плечо, мы не молодеем, Гард! Кахан Маэстери — отличная партия, он всем в этом феоде доказал, что умеет вести дела. Неужели ты наивно полагаешь, что кто-то заинтересуется сопливой графиней с долгами из зачуханного феода на балу? Только какие-нибудь старые вдовцы, неужели ты желаешь собственной дочери такого будущего?»

— Помнишь, помнишь эти свои слова, Сертия? — зло наклонился над столом крепкий русоволосый мужчина, сверкая на свою жену карими глазами. От злобы на его лице проступили морщины, выдавая немолодой возраст владельца.

— Я помню, Гард, и что? Разве я не оказалась права? Все сложилось замечательным образом! Наш феод преображается с каждым днем и выходит из упадка. Посмотри по сторонам, — с холодной гордостью увещевала чопорная худощавая дама, сверкая новеньким колье с рубинами. Последние безупречно подчеркивали медь в волосах графини Омалин.

— Ты вообще ничего не понимаешь? Это моя дочь, Сертия! Моя дочь в руках мага! В руках мага, понимаешь? — в сердцах, граф стукнул кулаком по столу.

— Это же обычай, это ведь сама судьба ведет девочку, кто

же спорит с проведением, дорогой? – перешла на ласковый тон женщина.

– Да? Ну раз никто не спорит с судьбой, тогда ты должна знать: я подписал брачный договор. Паулина выйдет замуж за Кахана Маэстери. Само провидение сводит нашу семью с этим предприимчивым дельцом. Как ты там говорила? Мы не молодеем, мне нужно крепкое плечо, дорогая! – саркастично кипятился мужчина.

– Ты не посмеешь! – медленно вставая с яростью в голосе начала шипеть графиня.

– Я уже посмел, – холодно отрезал граф Омалин, – если Паулина не выйдет замуж за Маэстери, мы заплатим очень значительную неустойку.

Леди Сергия Омалин опустилась обратно в кресло, прожигая своего мужа взглядом, полным ненависти.

Глава 7 Гости.

Двадцать второго ноября в Аспергате крестьяне праздновали Лютовье. По поверьям нужно было задабривать светлых духов, чтобы они скорее разогнали ледяных чертей, которые и укрывают все льдом и снегом. Конечно, официальные духовники такое не поощряли и говорили, что существует только Единый Светлый и единый темный. Одного нужно почитать и жить по его заветам, другого бояться и не поддаваться его искушениям. Но переделать традиции среди землешцев так и не получилось. Дары духам все равно приносили и радовались, если в этот день шел снег. Это было знаком, что светлые силы довольны, а ледяные черти сердятся этому таким образом.

Я была далека от крестьянских поводов открыть бочки с вином и устраивать застолье, но также считалось, что в этот день можно передать весточку памяти умершим. Как бы сказать – мы помним о вас. Потому этот день я всегда ждала с нетерпением и, надо сказать, основательно к нему готовилась. Необходимо было как-то ночью выбраться не только из комнаты и залезть в кладовую, но еще и покинуть замок, чтобы закопать подношение в снег. У почивших есть только один час после полуночи, когда они приходят в этот мир повидаться со своими родственниками. Поэтому много лет я

таскала свежий хлеб и зерно, чтобы передать послание маме. Очень хотелось, чтобы она знала: ее любят и по ней скучают, хоть уже и прошло более десяти лет.

Весь день прошел ужасно нервно. Мне постоянно казалось, что вот-вот Мари или чем-то весьма довольный последний время Пемброк заявятся ко мне и скажут: “Мы все знаем!”. Госпожа Митвелл, видимо, решила вообще держаться от меня подальше. Может, конечно, теперь ей приходилось постоянно следить за горничными и было вовсе не до бесед.

Я в очередной раз посмотрела на огромные напольные часы, которые мы с Мари нашли в одном из чуланов: сразу же решила установить их в библиотеке. Стрелки застыли на четырех часах дня и никак не хотели подгоняться моим взглядом. В очередной раз нервно вздохнула и опять взялась за подсчет расходов ткани на шторы. На прошлой неделе госпожа Митвелл сообщила мне, что моя просьба постирать портьеры – настоящее расточительство. Мол, многолетняя ткань этого не переживет. Пришлось идти смотреть и огорчаться, что в этом потрясающем строении местами все так запущено. За несколько недель я по-настоящему влюбилась в замок. Мне он казался каким-то сказочным и нереальным. А ещё очень огромным, ведь мне до сих пор не удалось изучить даже правое крыло. Про левое я и думать забыла.

Увлечшись делами, не заметила, как подошло время ужина, на который меня всегда сопровождала Мари. Негласное правило о том, что по замку без сопровождения я не хожу,

по-прежнему действовало. И сегодня это заставляло меня особенно сильно нервничать. Приведенная в идеальный порядок обеденная зала встретила умопомрачительными запахами тушеного с овощами мяса.

Массивный дубовый стол, стулья под стать, с мягким сиденьем в цвет к зеленым портьерам. На полу был выложен новый паркет теплого оттенка в цвет к каменным стенам. Покрытие было моей гордостью. Я честно отстояла его у господина управляющего, который был категорически против любого капитального ремонта. Даже пришлось принести несколько справочников о принципах строительства, чтобы старик уверовал, что это не серьезное вмешательство в архитектуру замка.

Ела я торопясь, хотелось поскорее уйти в комнату и уже там спокойно воплощать свой план в жизнь.

Ожидание было мучительным. Мне постоянно слышались шаги в коридоре, и я несколько раз в него выглядывала – убедиться, что там на самом деле никого нет. Ориентироваться во времени мне помогали маленькие часы. Они около недели назад поселились на комод, изъятые из того же чулана. Решив, что уже точно никто не придёт начала подготовку. Я открыла шкаф, который с легкой руки Мари теперь ломился от нарядов, соответствующих леди. Набрал несколько предметов одежды, свернула их на кровати, имитируя спящего человека. Изобразить волосы мне было нечем и в дело пошел какой-то смешной чепец из запасов горничных. Наверное,

сооружать фигуру было необязательно, но это тоже было частью традиции. Чтобы папа не узнал, что я убегала ночью на улицу. Воспоминания о лорде Омалин опалили все внутри щемящей тоской. Обхватила себя руками, пытаюсь как-то согреться внутри. Все, что связано с отцом, отзывалось теперь внутри голодным холодом и рвало душу на части. Они даже не пытались со мной связаться.

За воспоминаниями и приготовлениями время подкралось к половине двенадцатого – пора. Я выскользнула в коридор. Предусмотрительно надетый мной костюм для охоты почти сливался со стенами. Зачем мне его сшили – это отдельная загадка о тайных помыслах Мари.

До кухни кралась трусливым зайцем, то и дело прижимаясь к стенам. Каждый раз, когда мне чудилось, что кто-то идет на встречу, сердце начинало бешено колотиться, а я вся обмирала от страха быть пойманной. Почему-то была уверена, что моя вылазка вызовет грандиозный скандал и неприятные последствия. Тем не менее, мне везло, и до кухни я добралась, так никого и не встретив. Быстро взяв в кладовой пару свежих булочек и мешочек зерна, перешла ко второй части плана.

Выйти через центральный вход – значило бы сразу же напороться на ошантов, они постоянно охраняли подъездную дорогу. То, что охрана немедленно доложит Пемброку обо мне, не вызывало никаких сомнений. Поэтому последнюю неделю я тщательно изучала поставки продуктов и матери-

алов. Надеюсь, что их доставляют не через центральный вход и оказалась права. Теперь мне необходимо было пройти мимо спальных комнат прислуги. Большинству работников предоставлялось жилье в замке. Путь к нужному мне выходу лежал как раз между этими комнатами.

Судьба благоволила. Несколько раз чуть ли не падая на пол от случайных звуков, я смогла добраться до черного хода. Закрыт он был только на засов и, к моей удаче, никем не охранялся. Внутри меня где-то даже родилось возмущение подобной халатностью и отсутствию хоть какого-то замка. Но потом я решила, что мага лучше всего охраняет его репутация, нежели засовы.

За дверью царил звездная ночь и первые ноябрьские морозы. Холод тут же пробрался через шерстяную ткань костюма и колелся миллионами иголочек. На выдохе изо рта вылетел парок. Я поежилась, еще раз внимательно посмотрела по сторонам, выбравшись из замка, побежала к ближайшему, еще совсем маленькому сугробу.

Редкие маленькие снежинки падали на лицо, морозец продолжал намекать, что стоит вернуться в теплые помещения. А я наскоро присыпала снегом булочку и зерна. Зажмурилась, как в детстве, и вслух сказала лишь: “Помню и люблю!”. Неожиданный порыв ветра, растрепал убранные в пучок волосы и поднял легкие снежинки в воздух. Я стремительно начала возвращаться назад. И уже радовалась, что все получилось. Обратный путь преодолевала, растеряв осто-

рожность, но коридоры по-прежнему встречали меня тишиной и забвением. Оказавшись перед дверью в спальню, я окончательно выдохнула и обрадовалась, что все получилось. И стремительно залетела в свою комнату, чтобы оказаться в эпицентре, начинающегося урагана. Меня тут же толкнуло силой и, еле удержавшись на ногах, я стала свидетелем пугающе нелепой картины: над моей кроватью в свете звезд из окна, мрачно возвышался в своем темном одеянии и капюшоне маг. В руках он держал тот самый нелепый чепчик. Несколько мгновений мы смотрели друг на друга. По крайней мере, я точно смотрела обомлев и от давящей силы, и от ситуации. Мне казалось, что даже сердце эти мгновения не билось. Страшно было даже вдохнуть. Маг же просто направил на меня свой капюшон с тучей на месте лица. Что добавляло еще больше мрачности, сложившейся ситуации. Моя, не своевременно богатая фантазия представила, как лорд Картел этим же чепчиком любовно вытирает кровь с жертвенного алтаря. К концу мысли неожиданно исчезло магическое давление и первое, что захотелось сделать – это просто завизжать и убежать. Но я задавила неблагородный порыв на корню и, пока продолжала ошалело хлопать глазами, лорд Картел покрылся белесым туманом и просто исчез. Прямо с этим злополучным чепцом в руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.